

РОБЕРТ БЕРНС. СТИХИ

РОБЕРТ БЕРНС

СТИХИ

в переводах

С. МАРШАКА

Москва

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1976

Б51
И(Англ)

Примечания

М. МОРОЗОВА

Оформление художника

В. ДОБЕРА

Б $\frac{70404-314}{028(01)-76}$ БЗ-16-26-76

ПЕСНИ
И
БАЛЛАДЫ

ЧЕСТНАЯ БЕДНОСТЬ

Кто честной бедности своей
Стыдится и все прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всём при том,
При всём при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!

Мы хлеб едим и воду пьем,
Мы укрываемся тряпьем
И всё такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шелк и вина пьют
И всё такое прочее.

При всём при том,
При всём при том,
Судите не по платью.
Кто честным кормится трудом, —
Таких зову я знатью.

Вот этот шут — природный лорд.
Ему должны мы кланяться.
Но пусть он чопорен и горд,
Бревно бревном останется!

При всём при том,
При всём при том,
Хоть весь он в позументах, —
Бревно останется бревном
И в орденах и в лентах!

Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.

При всём при том,
При всём при том,
Награды, лесть
И прочее
Не заменяют
Ум и честь
И все такое прочее!

Настанет день, и час пробьет,
Когда уму и чести
На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.

При всём при том,
При всём при том,
Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!

ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

Трех королей разгневал он,
И было решено,
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное Зерно.

Велели выкопать сохой
Могилу короли,
Чтоб славный Джон, боец лихой,
Не вышел из земли.

Травой покрылся горный склон,
В ручьях воды полно,
А из земли выходит Джон
Ячменное Зерно.

Все так же буен и упрям,
С пригорка в летний зной
Грозит он копьями врагам,
Качая головой.

Но осень трезвая идет.
И, тяжело нагружен,
Поник под бременем забот,
Согнулся старый Джон.

Настало время помирать —
Зима недалека.
И тут-то недруги опять
Взялись за старика.

Его свалил горбатый нож
Одним ударом с ног,
И, как бродягу на правёж,
Везут его на ток.

Дубасить Джона принялись
Злодеи поутру.
Потом, подбрасывая ввысь,
Кружили на ветру.

Он был в колодец погружен,
На сумрачное дно.
Но и в воде не тонет Джон
Ячменное Зерно.

Не пощадив его костей,
Швырнули их в костер,
А сердце мельник меж камней
Безжалостно растер.

Бушует кровь его в котле,
Под обручем бурлит,
Вскипает в кружках на столе
И души веселит.

Недаром был покойный Джон
При жизни молодец, —
Отвагу подымает он
Со дна людских сердец.

Он гонит вон из головы
Докучный рой забот.
За кружкой сердце у вдовы
От радости поет...

Так пусть же до конца времен
Не высыхает дно
В бочонке, где клокочет Джон
Ячменное Зерно!

СТАРАЯ ДРУЖБА

Забывать ли старую любовь
И не грустить о ней?
Забывать ли старую любовь
И дружбу прежних дней?

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

Побольше кружки приготовь
И доверху налей.
Мы пьем за старую любовь,
За дружбу прежних дней.

За дружбу старую —
До дна!
За счастье юных дней!
По кружке старого вина —
За счастье юных дней.

С тобой топтали мы вдвоем
Траву родных полей,
Но не один крутой подъем
Мы взяли с юных дней.

Переплывали мы не раз
С тобой через ручей.
Но море разделило нас,
Товарищ юных дней...

И вот с тобой сошлись мы вновь.
Твоя рука — в моей.
Я пью за старую любовь,
За дружбу прежних дней!

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

БЫЛ ЧЕСТНЫЙ ФЕРМЕР
МОИ ОТЕЦ

Был честный фермер мой отец.
Он не имел достатка,
Но от наследников своих
Он требовал порядка.
Учил достоинство хранить,
Хоть нет гроша в карманах.
Страшнее — чести изменить,
Чем быть в отрепьях рваных!

Я в свет пустился без гроша,
Но был беспечный малый.
Богатым быть я не желал,
Великим быть — пожалуй!
Таланта не был я лишен,
Был грамотен немножко
И вот решил по мере сил
Пробить себе дорожку.

И так и сяк пытался я
Понравиться фортуне,
Но все усилья и труды
Мои остались втуне.

То был врагами я побит
То предан был друзьями
И вновь, достигнув высоты,
Оказывался в яме.

В конце концов я был готов
Оставить попечение.
И по примеру мудрецов
Я вывел заключение:
В былом не знали мы добра,
Не видим в предстоящем,
А этот час — в руках у нас.
Владей же настоящим!

Надежды нет, просвета нет,
А есть нужда, забота.
Ну что ж, покуда ты живешь,
Без устали работай.
Косить, пахать и боронить
Я научился с детства.
И это всё, что мой отец
Оставил мне в наследство.

Так и живу — в нужде, в труде,
Доволен передышкой.
А хорошенько отдохну
Когда-нибудь под крышкой.
Заботы завтрашнего дня
Мне сердца не тревожат.
Мне дорог нынешний мой день,
Покуда он не прожит!

Я так же весел, как монарх
В наследственном чертоге,
Хоть и становится судьба
Мне поперек дороги.

На завтра хлеба не дает
Мне эта злая скряга.
Но нынче есть чего поесть, —
И то уж это благо!

Беда, нужда крадут всегда
Мой заработок скудный.
Мой промах этому виной
Иль нрав мой безрассудный?
И всё же сердцу своему
Вовеки не позволю я
Впадать от временных невзгод
В тоску и меланхолию!

О ты, кто властен и богат,
Намного ль ты счастливей?
Стремится твой голодный взгляд
Вперед — к двойной наживе.
Пусть денег куры не клюют
У баловня удачи, —
Простой, веселый, честный люд
Тебя стократ богаче!

МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА

Где-то девушка жила.
Что за девушка была!
И любила парня славного она.

Но расстаться им пришлось
И любить друг друга врозь,
Потому что началась война.

За морями, за холмами —
Там, где пушки мечут пламя,
Сердце война не дрогнуло в бою.

Это сердце трепетало
Только ночью в час привала,
Вспоминая милую свою!

РÓБИН

В деревне парень был рожден,
Но день, когда родился он,
В календари не занесен.
Кому был нужен Рóбин?

Был он резвый паренек,
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек —
Резвый, шустрый Робин!

Зато отметил календарь,
Что был такой-то государь,
И в щели дома дул январь,
Когда родился Робин.

Разжав младенческий кулак,
Гадалка говорила так:
— Мальчишка будет не дурак.
Пускай зовется Робин!

Немало ждет его обид,
Но сердцем всё он победит.
Парнишка будет знаменит,
Семью прославит Робин.

Он будет весел и остер,
И наших дочек и сестер
Полюбит с самых ранних пор
Неугомонный Робин.

Девчонкам — бог его прости! —
Уснуть не даст он взаперти,
Но знать не будет двадцати
Других пороков Робин.

Был он резвый паренек —
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек —
Резвый, шустрый Робин!

В ГОРАХ МОЕ СЕРДЦЕ

В горах мое сердце... Донуныя я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу.

Прощай, моя родина! Север, прощай, —
Отечество славы и доблести край.
По белому свету судьбою гоним,
Навеки останусь я сыном твоим!

Прощайте, вершины под кровлей снегов,
Прощайте, долины и скаты лугов,
Прощайте, поникшие в бездну леса,
Прощайте, потоков лесных голоса..

В горах мое сердце... Донуныя я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу!

ЛУЧШИЙ ПАРЕНЬ

Лучший парень наших лет,
Славный парень,
Статный парень,
На плече он носит плед,
Славный горский парень.

Носит шапку пирожком,
Славный парень,
Статный парень,
Он с изменой незнаком,
Славный горский парень.

Слышишь звонкий зов трубы,
Дочь полей,
Дитя долины,
Зов трубы и гром пальбы,
Девушка долины?

Слава в бой меня зовет,
Дочь полей,
Дитя долины,
За свободу и народ,
Девушка долины!

Легче солнце двинуть вспять,
Славный парень,
Статный парень,
Чем тебя поколебать,
Славный горский парень.

Честь добудь себе в бою,
Славный парень,
Статный парень,
И прославь страну свою,
Славный горский парень!

БРЮС — ШОТЛАНДЦАМ

Вы, кого водили в бой
Брюс, Уоллес за собой, —
Вы врага ценой любой
Отразить готовы.

Близок день, и час грядет.
Враг надменный у ворот.
Эдвард армию ведет —
Цепи и оковы.

Тех, кто может бросить меч
И рабом в могилу лечь,
Лучше вовремя отсечь.
Пусть уйдут из строя.

Пусть останется в строю,
Кто за родину свою
Хочет жить и пасть в бою
С мужеством героя!

Бой идет у наших стен.
Ждет ли нас позорный плен?
Лучше кровь из наших вен
Отдадим народу.

Наша честь велит смести
Угнетателей с пути
И в сраженье обрести
Смерть или свободу!

ШОТЛАНДСКАЯ СЛАВА

Навек простись, Шотландский край,
С твоею древней славой.
Название самое, прощай,
Отчизны величавой!

Где Твид несется в океан
И Сарк в песках струится, —
Теперь владенья англичан,
Провинции граница

Века сломить нас не могли,
Но продал нас изменник
Противникам родной земли
За горсть презренных денег.

Мы стали английскую не раз
В сраженьях притупили,
Но золотом английским нас
На торжище купили.

Как жаль, что я не пал в бою,
Когда с врагом боролись
За честь и родину свою
Наш гордый Брюс, Уоллес.

Но десять раз в последний час
Скажу я без утайки:
Проклятие предавшей нас
Мошеннической шайке!

ДЕРЕВО СВОБОДЫ

Есть дерево в Париже, брат.
Под сень его густую
Друзья отечества спешат,
Победу торжествуя.

Где нынче у его ствола
Свободный люд толпится,
Вчера Бастилия была,
Всей Франции темница.

Из года в год чудесный плод
На дереве растет, брат.
Кто съел его, тот сознает,
Что человек — не скот, брат.

Его вкусить холопу дай —
Он станет благородным
И свой разделит каравай
С товарищем голодным.

Дороже клада для меня
Французский этот плод, брат.
Он красит щеки в цвет огня,
Здоровье нам дает, брат.

Он проясняет мутный взгляд,
Вливает в мышцы силу.
Зато предателям он — яд:
Он сводит их в могилу!

Благословение тому,
Кто, пожалев народы,
Впервые в галльскую тюрьму
Принес росток свободы.

Поила доблесть в жаркий день
Заветный тот росток, брат,
И он свою раскинул сень
На запад и восток, брат.

Но юной жизни торжеству
Грозил порок тлетворный:
Губил весеннюю листву
Червяк в парче придворной.

У деревца хотел Бурбон
Подрезать корешки, брат.
За это сам лишился он
Короны и башки, брат!

Тогда поклялся злобный сброд,
Собранье всех пороков,
Что деревцо не доживет
До поздних, зрелых соков.

Немало гончих собралось
Со всех концов земли, брат.
Но злое дело сорвалось —
Жалели, что пошли, брат!

Скликает всех своих сынов
Свобода молодая.
Они идут на бранный зов,
Отвагою пылая.

Новорожденный весь народ
Встает под звон мечей, брат.
Бегут наемники вразброд,
Вся свора палачей, брат.

Британский край! Хорош твой дуб,
Твой стройный тополь — тоже.
И ты на шутки был не скуп,
Когда ты был моложе.

Богатым лесом ты одет —
И дубом и сосной, брат.
Но дерева свободы нет
В твоей семье лесной, брат!

А без него нам свет не мил
И горек хлеб голодный.
Мы выбиваемся из сил
На борозде бесплодной.

Питаем мы своим горбом
Потомственных воров, брат.
И лишь за гробом отдохнем
От всех своих трудов, брат.

Но верю я: настанет день, —
И он не за горами, —
Когда листвы волшебной сень
Раскинется над нами.

Забудут рабство и нужду
Народы и края, брат,
И будут люди жить в ладу,
Как дружная семья, брат!

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

— Привет вам; тюрьмы короля,
Где жизнь влачат рабы!
Меня сегодня ждет петля
И гладкие столбы.

В полях войны среди мечей
Встречал я смерть не раз,
Но не дрожал я перед ней —
Не дрогну и сейчас!

Разбейте сталь моих оков,
Верните мой доспех.
Пусть выйдет десять смельчаков,
Я одолею всех.

Я жизнь свою провел в бою,
Умру не от меча.
Изменник предал жизнь мою
Веревке палача.

И перед смертью об одном
Душа моя грустит,
Что за меня в краю родном
Никто не отомстит.

Прости, мой край! Весь мир, прощай!
Меня поймали в сеть.
Но жалок тот, кто смерти ждет,
Не смея умереть!

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА

Умолк тяжелый гром войны,
И мир сияет снова.
Поля и села сожжены,
И дети ищут крова.

Я шел домой, в свой край родной,
Шатер покинув братский.
И в старом ранце за спиной
Был весь мой скарб солдатский.

Шагал я с легким багажом,
Счастливый и свободный.
Не отягчил я грабежом
Своей сумы походной.

Шагал я бодро в ранний час,
Задумавшись о милой,
О той улыбке синих глаз,
Что мне во тьме светила.

Вот наша тихая река
И мельница в тумане.
Здесь, под кустами ивняка,
Я объяснился Анне.

Вот я взошел на склон холма,
Мне с юных лет знакомый, —
И предо мной она сама
Стоит у двери дома.

С ресниц смахнул я капли слез,
И, голос изменяя,
Я задал девушке вопрос,
Какой, — и сам не знаю.

Потом сказал я: — Ты светлей,
Чем этот день погожий,
И тот счастливей всех людей,
Кто всех тебе дороже!

Хоть у меня карман пустой
И сумка пустовата,
Но не возьмешь ли на постой
Усталого солдата?

На миг ее прекрасный взгляд
Был грустью отуманен.
— Мой милый тоже был солдат.
Что с ним? Убит иль ранен?..

Он не вернулся, но о нем
Храню я память свято,
И навсегда открыт мой дом
Для честного солдата!

И вдруг, узнав мои черты
Под слоем серой пыли,
Она спросила: — Это ты? —
Потом сказала: — Вилли!..

— Да, это я, моя любовь.
А ты — моя награда
За честно пролитую кровь,
И лучшей мне не надо.

Тебя, мой друг, придя с войны,
Нашел я неизменной.
Пускай с тобою мы бедны,
Но ты — мой клад бесценный!

Она сказала: — Нет, вдвоем
Мы заживем на славу.
Мне дед оставил сад и дом,
Они твои по праву!

Купец плывет по лону вод
За прибылью богатой.
Обильной жатвы фермер ждет.
Но честь — удел солдата.

И пусть солдат всегда найдет
У вас приют в дороге.
Страны родимой он оплот
В часы ее тревоги.

Джон Андерсон, мой старый друг,
Подумай-ка, давно ль
Густой, крутой твой локон
Был черен, точно смоль.

Теперь ты снегом убелён, —
Ты знал немало вьюг.
Но будь ты счастлив, лысый Джон,
Джон Андерсон, мой друг!

Джон Андерсон, мой старый друг,
Мы шли с тобою в гору,
И столько радости вокруг
Мы видели в ту пору.

Теперь мы под гору бредем,
Не разнимая рук,
И в землю ляжем мы вдвоем,
Джон Андерсон, мой друг!

ЛЮБОВЬ

Любовь, как роза, роза красная,
Цветет в моем саду.
Любовь моя — как песенка,
С которой в путь иду.

Сильнее красоты твоей
Моя любовь одна.
Она с тобой, пока моря
Не высохнут до дна.

Не высохнут моря, мой друг,
Не рушится гранит,
Не остановится песок,
А он, как жизнь, бежит...

Будь счастлива, моя любовь,
Прощай и не грусти.
Вернусь к тебе, хоть целый свет
Пришлось бы мне пройти!

Пробираясь до калитки
Полею вдоль межи,
Дженни вымокла до нитки
Вечером во ржи.

Очень холодно девчонке,
Бьет девчонку дрожь:
Замочила все юбочки,
Идя через рожь.

Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмешь?

И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!..

Давно ли цвел зеленый дол,
Лес шелестел листвою,
И каждый лист был свеж и чист
От влаги дождевой.

Где этот летний рай?
Лесная глушь мертва.
Но снова май придет в наш край —
И зашумит листва...

Но ни весной, ни в летний зной
С себя я не стряхну
Тяжелый след прошедших лет,
Печаль и седину.

Под старость краток день,
А ночь без сна длинна.
И дважды в год к нам не придет
Счастливая весна.

КОНЕЦ ЛЕТА

Пророчат осени приход
И выстрел в отдаленье,
И птицы взлет среди болот,
И вереска цветенье,
И рожь, бегущая волной, —
Предвестье урожая,
И лес ночной, где под луной
Я о тебе скучаю.

Вальдшнепы любят тихий лес,
Вьюрки — кустарник горный.
А цапли с вышины небес
Стремятся в край озерный.
Дрозды в орешнике живут,
В тиши лесной полянки.
Густой боярышник — приют
Веселой коноплянки.

У каждого обычай свой,
Свой путь, свои стремленья.
Один живет с большой семьей,
Другой — в уединенье.
Но всюду злой тиран проник:

В немых лесных просторах
Ты слышишь гром, и жалкий крик,
И смятых перьев шорох...

А ведь такой кругом покой.
Стрижей кружится стая.
И нива никнет за рекой
Зелено-золотая.
Давай пойдем бродить вдвоем
И насладимся вволю
Красой плодов в глуши садов
И спелой рожью в поле.

Так хорошо идти-брести
По скошенному лугу
И встретить месяц на пути,
Тесней прильнув друг к другу,
Как дождь весной — листве лесной,
Как осень — урожаю,
Так мне нужна лишь ты одна,
Подруга дорогая!

Ты меня оставил, Джеми,
Ты меня оставил,
Навсегда оставил, Джеми,
Навсегда оставил.
Ты шутил со мною, милый,
Ты со мной лукавил —
Клялся помнить до могилы,
А потом оставил, Джеми,
А потом оставил!

Нам не быть с тобою, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Никогда на свете, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Пусть скорей настанет время
Вечного покоя.
Я глаза свои закрою,
Навсегда закрою, Джеми,
Навсегда закрою!

* * *

Где-то в пещере, в прибрежном краю,
Горе свое от людей утаю.

Там я обдумаю
Злую судьбу мою,
Злую, угрюмую участь мою.

Лживая женщина, клятвам твоим
Время пришло разлететься как дым.

Смейся с возлюбленным
Ты над загубленным,
Над обесславленным счастьем моим!

РАССТАВАНИЕ

Поцелуй — и до могилы
Мы простимся, друг мой милый.
Ропот сердца отовсюду
Посылать к тебе я буду.

В ком надежды искра тлеет,
На судьбу роптать не смеет.
Но ни зги передо мною.
Окружен я тьмой ночью.

Не клянусь своей я страсти.
Кто твоей не сдастся власти?
Кто видал тебя, тот любит,
Кто полюбит, не разлюбит.

Не любить бы нам так нежно,
Безрассудно, безнадежно,
Не сходитьсь, не прощаться,
Нам бы с горем не встречаться!

Будь же ты благословенна,
Друг мой первый, друг бесценный.
Да сияет над тобою
Солнце счастья и покоя.

Поцелуй — и до могилы
Мы простимся, друг мой милый.
Ропот сердца отовсюду
Посылать к тебе я буду.

ЗА ПОЛЕМ РЖИ

За полем ржи кустарник рос.
И почки нераскрытых роз
Клонились, влажные от слез,
Росистым ранним утром.

Но дважды утренняя мгла
Сошла, и роза расцвела.
И так роса была светла
На ней душистым утром.

И коноплянка на заре
Сидела в лиственном шатре
И вся была, как в серебре,
В росе холодной утром.

Придет счастливая пора,
И защебечет детвора
В тени зеленого шатра
Горячим летним утром.

Мой друг, и твой придет черед
Платить за множество забот
Тем, кто покой твой бережет
Весенним ранним утром.

Ты, нераскрывшийся цветок,
Расправишь каждый лепесток
И тех, чей вечер недалек,
· Согреешь летним утром!

ПОЦЕЛУИ

Влажная печать признаний,
Обещанье тайных нег —
Поцелуй, подснежник ранний,
Свежий, чистый, точно снег.

Молчаливая уступка,
Страсти детская игра,
Дружба голубя с голубкой,
Счастья первая пора.

Радость в грустном расставанье
И вопрос: когда ж опять?..
Где слова, чтобы названье
Этим чувствам отыскать?

НАД РЕКОЙ А́ФТОН

Утихни, мой А́фтон, в зеленом краю,
Утихни, а я тебе песню спою.
Пусть милую Мэри не будит волна
На склоне, где сладко уснула она.

Пусть голубя стон из лесного гнезда,
Пусть звонкая, чистая флейта дрозда,
Зеленоголового чибиса крик
Покоя ее не встревожат на миг.

Прекрасны окрестные склоны твои,
Где змейками путь проложили ручьи.
Бродя по холмам, не свожу я очей
С веселого домика Мэри моей.

Свежи и душисты твои берега,
Весной от цветов золотятся луга.
А в час, когда вечер заплачет дождем,
Приют под березой найдем мы вдвоем.

Поток твой петлю серебрястую вьет
У тихого дома, где Мэри живет.
Идет она в лес, собирая цветы, —
К ногам ее белым бросаешься ты:

Утихни, мой Афтон, меж склонов крутых,
Умолкни, прославленный в песнях моих.
Пусть милую Мэри не будит волна —
Над берегом тихо уснула она.

ЗАЗДРАВНЫЙ ТОСТ

которых есть, что есть, — те подчас не могут есть,
А другие могут есть, да сидят без хлеба.

А у нас тут есть, что есть, да при этом есть, чем есть, —
Значит, нам благодарить остается небо!

Наш Вилли пива наварил
И нас двоих позвал на пир.
Таких счастливых молодцов
Еще не знал крещеный мир!

Никто не пьян, никто не пьян,
А так, под мухою, чуть-чуть.
Пусть день встает, петух поет,
А мы не прочь еще хлебнуть!

Три молодца, мы дружно пьем.
Один бочонок — трое нас.
Не раз встречались мы втроем
И встретимся еще не раз.

Что это — старая луна
Мигает нам из-за ветвей?
Она плывет, домой зовет...
Нет, подождать придется ей!

Последний тот из нас, друзья,
Кто первым ступит за порог.
А первый тот, кого струя
Из нас последним свалит с ног!

ПОДРУГА УГОЛЬЩИКА

— Не знаю, как тебя зовут,
Где ты живешь, не ведаю.
— Живу везде — и там и тут,
За угольщиком следую!

— Вот эти нивы и леса
И все, чего попросишь ты,
Я дам тебе, моя краса,
Коль угольщика бросишь ты!

Одену в шелк тебя, мой друг.
Зачем отрепья носишь ты?
Я дам тебе коней и слуг,
Коль угольщика бросишь ты!

— Хоть горы золота мне дай
И жемчуга отборного,
Но не уйду я — так и знай! —
От угольщика черного.

Мы днем развозим уголек.
Зато порой ночью
Я заберусь в свой уголок.
Мой угольщик — со мною.

У нас любовь — любви цена.
А дом наш — мир просторный.
И платит верностью сполна
Мне угольщик мой черный!

Я ПЬЮ ТВОЕ ЗДОРОВЬЕ!

Прощай, красавица моя.
Я пью твое здоровье.
Надоедать не стану я
Тебе своей любовью.

Прощай, прости! Перенести
Сумею я разлуку.
А ты смекни да разочти,
Кому отдашь ты руку.

Ты говоришь: — Вступить мне в брак
Покуда неохота. —
А я скажу: — Я не дурак,
И ждать мне нет расчета.

Я знаю, ждет твоя родня
Кого-то побогаче.
Она не жалует меня.
Ну, дай вам бог удачи!

Меня считают бедняком
Без имени и рода.
Но не нуждаюсь я ни в ком, —
При мне моя свобода.

Башка и руки — вот мой клад.
Всегда к труду готов я.
Как говорят, — сам черт не брат,
Покуда есть здоровье!

Оно, конечно, высоко
Летит иная птица.
Но в дальней птице так легко
Порою ошибиться.

Прощай, мой друг. Я уйду,
Куда ведет дорожка.
Но, может, в полночь погляжу
Я на твое окошко...

НОВОГОДНИЙ ПРИВЕТ СТАРОГО
ФЕРМЕРА ЕГО СТАРОЙ ЛОШАДИ

Привет тебе, старуха-кляча,
И горсть овса к нему в придачу.
Хоть ты теперь скелет ходячий,
Но ты была
Когда-то лошастью горячей
И рысью шла.

Ты глуховата, слеповата.
Седая шерсть твоя примята.
А серой в яблоках когда-то
Была она.
И твой ездок был тоже хватом
В те времена!

Лошадкой ты была на славу.
Хозяин был тебе по нраву.
И я гордиться мог по праву,
Когда с тобой
Любую брали мы канаву,
Подъем любой.

Тебя с полсотней марок вместе
Родитель дал моей невесте.

Хоть капитал — скажу по чести —
    Был очень мал,
Не раз добром подарок тестя
    Я поминал.

Когда я стал встречаться с милой,
Тебе всего полгода было,
И ты за матерью-кобылой
    Трусилась след.
Ключом в тебе кипела сила
    Весенних лет.

Я помню день, когда, танцуя
И шеголяя новой сбруей,
Везла со свадьбы молодую
    Ты к нам домой.
Как любовался я, ликуя,
    В тот день тобой!

Перевалив за три десятка,
Ты ходишь медленно и шатко.
С каким трудом дорогой краткой
    Ты возишь кладь,
А прежде — чья могла лошадка
    Тебя догнать?

Тебя на ярмарках, бывало,
Трактирщики кормили мало,
И все ж домой меня ты мчала,
    Летя стрелой.
А вслед вся улица кричала:
    — Куда ты? Стой!

Когда ж с тобой мы были сыты
И горло у меня промыто, —

В те дни дорогою открытой
Мы так неслись,
Как будто от земли копыта
Оторвались.

Ты, верно, помнишь эти гонки.
С обвислым крупом лошаденки
Теснились жалобно к сторонке,
Давая путь,
Хоть я не смел лозою тонкой
Тебя стегнуть.

Всегда была ты верным другом,
И нет конца твоим заслугам.
Напрягшись телом всем упругим,
Ты шла весной
Перед моим тяжелым плугом
И бороной.

Когда глубокий снег зимою
Мешал работать нам с тобою,
Я отмерял тебе с лихвою
Овес, ячмень
И знал, что ты заплатишь вдвое
Мне в летний день.

Твои два сына плуг мой тянут,
А двое кладь возить мне станут.
И, верно, не был я обманут,
Продав троих:
По десять фунтов чистоганом
Я взял за них.

Утомлены мы, друг, борьбою.
Мы всё на свете брали с бою.
Казалось, ниц перед судьбою

Мы упадем.
Но вот состарились с тобою,
А всё живем!

Не думай по ночам в тревоге,
Что с голоду протянешь ноги.
Пусть от тебя мне нет подмоги,
Но я в долгу —
И для тебя овса немного
Приберегу.

С тобой состарился я тоже.
Пора сменить нас молодежи
И дать костям и дряхлой коже
Передохнуть
Пред тем, как тронемся мы лёжа
В последний путь.

ФИНДЛЕЙ

— Кто там стучится в поздний час?
«Конечно, я — Финдлей!»
— Ступай домой. Все спят у нас!
«Не все!» — сказал Финдлей.

— Как ты прийти ко мне посмел?
«Посмел!» — сказал Финдлей.
— Небось наделаешь ты дел...
«Могу!» — сказал Финдлей.

— Тебе калитку отвори...
«А ну!» — сказал Финдлей.
— Ты спать не дашь мне до зари!
«Не дам!» — сказал Финдлей.

— Попробуй в дом тебя впустить...
«Впусти!» — сказал Финдлей.
— Всю ночь ты можешь прогостить.
«Всю ночь!» — сказал Финдлей.

— С тобою ночь одну побудь...
«Побудь!» — сказал Финдлей.
— Ко мне опять найдешь ты путь.
«Найду!» — сказал Финдлей.

— О том, что буду я с тобой...
«Со мной!» — сказал Финдлей.
— Молчи до крышки гробовой!
«Идет!» — сказал Финдлей.

ШЕЛА О'НИЛ

Когда волочиться я начал за нею,
Немало я ласковых слов говорил.
Но более всех
Имели успех
Слова: «Мы поженимся, Шела О'Нил!»

Дождался я брака.
Но скоро, однако,
Лишился покоя, остался без сил.
От ведьмы проклятой
Ушел я в солдаты,
Оставив на родине Шелу О'Нил.

Решился я вскоре
Бежать через море,
С колонной пруссаков в атаку ходил
Навстречу снарядам,
Ложившимся рядом
С шипеньем и свистом, как Шела О'Нил!

У Фридриха в войске
Я дрался геройски,
Штыка не боялся и с пулей дружил.
Нет в мире кинжала
Острее, чем жало
Безжалостной женщины — Шелы О'Нил!

СЧАСТЛИВЫЙ ВДОВЕЦ

В недобрый час я взял жену,
В начале мая месяца,
И, много лет живя в плену,
Не раз мечтал повеситься.

Я был во всем покорен ей
И нес безмолвно бремя.
Но наконец жене моей
Пришло скончаться время.

Не двадцать дней, а двадцать лет
Прожив со мной совместно,
Она ушла, покинув свет,
Куда — мне неизвестно...

Я так хотел бы разгадать
Загробной жизни тайну,
Чтоб после смерти нам опять
Не встретиться случайно!

Я совершил над ней обряд —
Похоронил достойно.
Боюсь, что черт не принял в ад
Моей жены покойной.

Она, я думаю, в раю...
Порой в раскатах грома
Я грозный грохот узнаю,
Мне издавна знакомый!

ОДА К ЗУБНОЙ БОЛИ

Ты, завладев моей скулой,
Пронзаешь десны мне иглой,
Сверлишь сверлом, пилишь пилой
    Без остановки.
Мечусь, истерзанный и злой,
    Как в мышеловке.

Так много видим мы забот,
Когда нас лихорадка бьет,
Когда подагра нас грызет
    Иль резь в желудке.
А эта боль — предмет острот
    И праздной шутки!

Бешусь я, исходя слюной,
Ломаю стулья, как шальной,
Когда соседи надо мной
    В углу хохочут.
Пускай их бесы бороной
    В аду щекочут!

Всегда жила со мной беда —
Неурожай, недуг, нужда,

Позор неправого суда,
Долги, убытки...
Но не терпел я никогда
Подобной пытки!

И я уверен, что в аду,
Куда по высшему суду
Я непременно попаду
(В том нет сомнений!),
Ты будешь первою в ряду
Моих мучений.

О дух раздора и войны,
Что носит имя сатаны
И был низвергнут с вышины
За своеволие,
Казни врагов моей страны
Зубною болью!

ПЕСНЯ

Растет камыш среди реки,
Он зелен, прям и тонок.
Я в жизни лучшие деньки
Провел среди девчонок.

Часы заботу нам несут,
Мелькая в быстрой гонке.
А счастья несколько минут
Приносят нам девчонки.

Богатство, слава и почет
Волнуют наши страсти.
Но даже тот, кто их найдет,
Найдет в них мало счастья.

Мне дай свободный вечерок
Да крепкие объятия —
И тяжкий груз мирских тревог
Готов к чертям послать я!

Пускай я буду осужден
Судьей в ослиной коже,
Но старый, мудрый Соломон
Любил девчонок тоже!

Сперва мужской был создан пол.
Потом, окончив школу,
Творец вселенной перешел
К прекраснейшему полу!

...— **Н**ет ни души живой вокруг,
А на дворе темно.
Нельзя ль к тебе, мой милый друг,
Пролезть через окно?

— Благодарю тебя за честь,
Но помни уговор:
Ко мне одна дорога есть —
Через церковный двор!

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Ты спишь ли, друг мой дорогой?
Проснись и двери мне открой.
Нет ни звезды во мгле сырой.
Позволь в твой дом войти!

Впусти меня на эту ночь,
На эту ночь, на эту ночь.
Из жалости на эту ночь
В свой дом меня впусти!

Я так устал и так продрог,
Я под собой не чую ног.
Пусти меня на свой порог
И на ночь приюти.

Как ветер с градом и дождем
Шумит напрасно за окном,
Так я стучусь в твой тихий дом.
Дай мне приют в пути!

Впусти меня на эту ночь,
На эту, эту, эту ночь.
Из жалости на эту ночь
В свой дом меня впусти!

Тебе ни дождь, ни снег, ни град
Не помешал попасть в мой сад.
И значит, можешь путь назад
Ты без труда найти.

Еще кругом глухая ночь,
Глухая ночь, глухая ночь.
Тебя впустить на эту ночь
Я не могу — прости!

Пусть на ветру ты весь продрог, —
От худших бед помилуй бог
Ту, что тебе через порог
Позволит перейти!

В саду раскрывшийся цветок
Лежит, растоптан, одинок.
И это девушке урок,
Как ей себя вести.

Птенца, не знавшего тревог,
В кустах охотник подстерег.
И это девушке урок,
Как ей себя вести!

Стоит кругом глухая ночь,
Глухая ночь, глухая ночь.
Тебя впустить на эту ночь
Я не могу — прости!

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ ПЭГ НИКОЛЬСОН,
ЛОШАДИ СВЯЩЕННИКА¹

Ты славной клячею была,
И вот узнал я с грустью,
Что по реке ты поплыла
И доплыла до устья.

Кобылой доброй ты слыла,
Когда была моложе.
А нынче к морю уплыла,
Оставив людям кожу.

Ты от хозяина-попа
Не слышала «спасибо».
Стара ты стала и слепа
И угодила к рыбам.

Давно, покорная судьбе,
Лишилась ты здоровья,
Как все, кто возит на себе
Духовное сословье!

МЕЛЬНИК

Мельник, пыльный мельник
Мелет нашу рожь.
Он истратил шиллинг,
Заработал грош.

Пыльный, пыльный он насквозь,
Пыльный он и белый.
Целоваться с ним пришлось —
Вся я поседела!

Мельник, пыльный мельник,
Белый от муки,
Носит белый мельник
Пыльные мешки.

Достает из кошелька
Мельник деньги белые.
Я для мельника-дружка
Все, что хочешь, сделаю!

В Тарболтоне, право,
Есть парни на славу,
Девицы имеют успех, брат.
Но барышни Роналдс,
Живущие в Бенналс,
Милей и прекраснее всех, брат.

Отец у них гордый.
Живет он, как лорды.
И каждый приличный жених, брат,
В придачу к невесте
Получит от тестя
По двести монет золотых, брат.

Нет в этой долине
Прекраснее Джинни.
Она хороша и мила, брат.
А вкусом и нравом
И разумом здоровым
Ровесниц своих превзошла, брат.

Фиалка увянет,
И розы не станет
В каких-нибудь несколько дней, брат.

А правды сиянье,
Добра обаянье
С годами сильней и прочней, брат.

Но ты не один
Мечтаешь о Джин.
Найдется соперников тьма, брат.
Богатый эсквайр,
Владелец Блекбайр, —
И тот от нее без ума, брат.

Помещик Брейхед
Глядит ей вослед
И чахнет давно от тоски, брат.
И, кажется, Форд
Махнет через борт,
Ее не добившись руки, брат.

Сестра ее Анна
Свежа и румяна.
Вздыхает о ней молодежь, брат.
Нежнее, скромнее,
Прекрасней, стройнее
Ты вряд ли девицу найдешь, брат.

В нее я влюблен,
Но молчать осужден.
Робеть заставляет нужда, брат.
От сельских трудов
Да рифмованных строф
Не будешь богат никогда, брат.

А если в ответ
Услышу я «нет» —
Мне будет еще тяжелей, брат.
Хоть мал мой доход
И безвестен мой род,
Но горд я не меньше людей, брат.

Как важная знать,
Не могу я скакать,
По моде обутый, верхом, брат.
Но в светском кругу
Я держаться могу
И в грязь не ударю лицом, брат.

Я чисто одет.
К лицу мне жилет,
Сюртук мой опрятен и нов, брат.
Чулки без заплатки,
И галстук в порядке,
И сшил я две пары штанов, брат.

На полочке шкапа
Есть новая шляпа.
Ей шиллингов десять цена, брат.
В рубашках — нехватка,
Но есть полдесятка
Белейшего полотна, брат.

От дядюшек с детства
Не ждал я наследства
И тетушек вдовых не знал, брат.
Не слушал их бредней
И в час их последний
Не чаял, чтоб черт их побрал, брат.

Не плут, не мошенник,
Не нажил я денег.
Свой хлеб добываю я сам, брат.
Немного я трачу,
Нисколько не прячу,
Но пенса не должен чертям, брат!

Доволен я малым, а бóльшему рад.
А если невзгоды нарушат мой лад,
За кружкой, под песню гоню их пинком —
Пускай они к черту летят кувырком.

В досаде я зубы сжимаю порой,
Но жизнь — это битва, а ты, брат, герой.
Мой грош неразменный — беспечный мой нрав,
И всем королям не лишить меня прав.

Гнетут меня беды весь год напролет.
Но вечер с друзьями — и все заживет.
Когда удалось нам до цели дойти,
К чему вспоминать нам о ямах в пути!

Возиться ли с клячей — судьбою моей?
Ко мне, от меня ли, но шла бы скорей.
Забота иль радость заглянет в мой дом,
— Войдите! — скажу я, — авось проживем!

ПОЙДУ-КА Я В СОЛДАТЫ

На черта вздохи — ах да ох!
Зачем считать утраты?
Мне двадцать три, и рост неплох —
Шесть футов, помнится, без трех.
Пойду-ка я в солдаты!

Своим горбом
Я нажил дом,
Хотя и небогатый.
Но что сберег, пошло не впрок...
И вот иду в солдаты.

Вина мне пинту раздобудь,
Налей в серебряную кружку.
В последний раз, готовясь в путь,
Я пью за милую подружку.

Трепещут мачты корабля,
Как будто силу ветра меря...
Пред тем, как скроется земля,
Пью за тебя, малютка Мэри!

Нас ждет и буря и борьба.
Играя с ветром, вьется знамя.
Поет военная труба,
И копыа движутся рядами.

Не страшен мне грядущий бой,
Невзгоды, жертвы и потери!
Но как расстаться мне с тобой,
Моя единственная Мэри?

ПЕСНЯ

Нынче здесь, завтра там — беспокойный Вилли,
Нынче здесь, завтра там, да и след простыл...
Воротись поскорей, мой любимый Вилли,
И скажи, что пришел тем же, что и был.

Зимний ветер шумел, низко тучи плыли.
Провожала тебя я в далекий путь.
Снова лето придет, ты вернешься, Вилли,
Лето — в поле и лес, ты — ко мне на грудь.

Пусть уснет океан на песке и щебне.
Страшно слышать во тьме этот гулкий вой.
Успокойтесь, валы, опустите гребни
И несите легко путника домой.

Если ж он изменил и забыл о милой,
Пусть грохочут валы сутки напролет.
Не дождусь корабля и сойду в могилу,
Не узнав, что ко мне Вилли не придет.

Нынче здесь, завтра там — беспокойный Вилли,
Нынче здесь, завтра там, да и след простыл...
Воротись поскорей, мой любимый Вилли,
Воротись ты ко мне тем же, что и был!

Цвел вереск, и сено собрали в стога.
С рассвета обшарили парни луга,
Низины, болота вблизи и вдали,
Пока, наконец, куропатку нашли.

Нельзя на охоте спешить, молодежь,
Неслышно к добыче крадись, молодежь!
    Кто бьет ее в лет,
    Кто взлететь не дает,
Но худо тому, кто добычу вспугнет.

Сметет она с вереска робы пером
И сядет вдали на болоте сыром.
Себя она выдаст на мху белизной,
Такой лучезарной, как солнце весной.

С ней Феб восходящий поспорить хотел,
Ее он коснулся концом своих стрел,
Но ярче лучей она стала видна
На мху, где доверчиво грелась она.

Лихие стрелки, знатоки этих мест,
Обшарили мхи и болота окрест.
Когда ж, наконец, куропатку нашли,
Она только фрр... — и пропала вдали!

Нельзя на охоте спешить, молодежь,
Неслышно к добыче крадись, молодежь!

Кто бьет ее в лет,

Кто взлететь не дает,

Но худо тому, кто добычу испугнет

ПОЛЕВОЙ МЫШИ, ГНЕЗДО КОТОРОЙ
РАЗОРЕНО МОИМ ПЛУГОМ

Зверек проворный, юркий, гладкий,
Куда бежишь ты без оглядки,
Зачем дрожишь, как в лихорадке,
    За жизнь свою?
Не трусь — тебя своей лопаткой
    Я не убью.

Я понимаю и не спорю,
Что человек с природой в ссоре,
И всем живым несет он горе,
    Внушает страх,
Хоть все мы смертные и вскоре
    Вернемся в прах.

Пусть говорят: ты жнешь, не сея.
Но я винить тебя не смею.
Ведь надо жить!.. И ты скромнее,
    Чем все, крадешь.
А я ничуть не обеднею —
    Была бы рожь!

Тебя оставил я без крова
Порой ненастной и суровой,

Когда уж не́ из чего снова
    Построить дом,
Чтобы от ветра ледяного
    Укрыться в нем...

Все голо, все мертво вокруг.
Пустынно поле, скошен луг.
И ты убежище от вьюг
    Найти мечтал,
Когда вломился тяжкий плуг
    К тебе в подвал.

Травы, листвы увядшей ком —
Вот чем он стал, твой теплый дом,
Тобой построенный с трудом.
    А дни идут...
Где ты в полях, покрытых льдом,
    Найдешь приют?

Ах, милый, ты не одинок:
И нас обманывает рок,
И рушится сквозь потолок
    На нас нужда.
Мы счастья ждем, а на порог
    Валит беда...

Но ты, дружок, счастливей нас...
Ты видишь то, что есть сейчас.
А мы не сводим скорбных глаз
    С былых невзгод
И в тайном страхе каждый раз
    Глядим вперед.

Скалистые горы, где спят облака,
Где в юности ранней резвится река,
Где в поисках корма сквозь вереск густой
Птенцов перепелка ведет за собой.

Милее мне склоны и трещины гор,
Чем берег морской и зеленый простор,
Милей оттого, что в горах у ручья
Живет моя радость, забота моя.

Люблю я прозрачный и гулкий ручей,
Бегущий тропинкой зеленой своей.
Под говор воды, не считая часов,
С любимой подругой бродить я готов.

Она не прекрасна, но многих милей.
Я знаю, приданого мало за ней,
Но я полюбил ее с первого дня
За то, что она полюбила меня!

Встречая красавицу, кто устоит
Пред блеском очей и румянцем ланит?
А если ума ей прибавить чуть чуть,
Она, ослепляя, пронзает нам грудь.

Но добрая прелесть внимательных глаз
Стократ мне дороже, чем лучший алмаз.
И в крепких объятьях волнует мне кровь
Открытая, с бьющимся сердцем, любовь!

О ПОДБИТОМ ЗАЙЦЕ,
ПРОКОВЫЛЯВШЕМ МИМО МЕНЯ

Стыдись, бесчеловечный человек!
Долой твоё разбойничье искусство!
Пусть твоя душа, лишённая чувства,
Не будет утешения вовек.

А ты, кочевник рощ, полей, лугов,
Где проведёшь ты дней своих остаток?
Конец твой будет горестен и краток.
Тебя не ждёт родной зелёный кров.

Калека жалкий, где-нибудь в тиши,
Среди заросшей вереском поляны
Иль у реки, где свищут камыши,
Ты припадёшь к земле кровавой раной.

Не раз, встречая над рекою Нит
Рассвет весёлый или вечер трезвый,
Я вспомню о тебе, приятель резвый,
И прокляну того, кем ты убит!

ГОРНОЙ МАРГАРИТКЕ,
КОТОРУЮ Я ПРИМЯЛ СВОИМ ПЛУГОМ

О скромный, маленький цветок,
Твой час последний недалек.
Сметет твой тонкий стебелек
Мой тяжкий плуг.
Перепахать я должен в срок
Зеленый луг.

Не жаворонок полевой —
Сосед, земляк, приятель твой —
Пригнет твой стебель над травой,
Готовясь в путь
И первой утренней росой.
Обрызгав грудь.

Ты вырос между горных скал
И был беспомощен и мал,
Чуть над землей приподымал
Свой огонек,
Но храбро с ветром воевал
Твой стебелек.

В садах ограда и кусты
Хранят высокие цветы.
А ты рожден средь нищеты
Суровых гор.

Но как собой украсил ты
Нагой простор!

Одетый в будничный наряд,
Ты к солнцу обращал свой взгляд
Его теплу и свету рад,
Глядел на юг,
Не думая, что разорят
Твой мирный луг.

Так девушка во цвете лет
Глядит доверчиво на свет
И всем живущим шлет привет,
В глуши таясь,
Пока ее, как этот цвет,
Не втопчут в грязь.

Так и бесхитростный певец,
Страстей неопытный пловец,
Не знает изменных сердец —
Подводных скал —
И там находит свой конец,
Где счастья ждал.

Такая участь многих ждет...
Кого томит гордыни гнет,
Кто изнурен ярмом забот, —
Тем свет не мил.
И человек на дно идет,
Лишенный сил.

И ты, виновник этих строк,
Держись, — конец твой недалек.
Тебя настигнет грозный рок —
Нужда, недуг, —
Как на весенний стебелек
Наехал плуг.

Сударыня,

Как этот год от нас далек,
Когда, безусый паренек,
Я молотить ходил на ток,
Пахал впервые поле
И хоть порой бывал без ног,
Но рад был этой школе.

В одном со взрослыми строю,
Товарищ их по плугу,
Я знал и полосу свою
И юную подругу.

И шуткой,
Прибауткой
Под мерный звон косы
Я скрадывал минутки
И коротал часы.

Одной мечтой с тех пор я жил:
Служить стране по мере сил
(Пускай они и слабы!),
Народу пользу принести —
Ну, что-нибудь изобрести
Иль песню спеть хотя бы!

Я при уборке ячменя
Щадил татарник в поле.
Он был эмблемой для меня
Шотландской древней воли.

Пусть родом,
Доходом
Гордится знатный лорд, —
Шотландской
Крестьянской
Породой был я горд.

Я был юнцом, но и тогда
Обрывки строк в часы труда
Твердил я непрерывно,
Пока подруга юных дней
Не придала строфе моей
И склад и лад неожиданный.

Не позабыл я до сих пор
Моей подруги юной,
Чей звонкий смех и быстрый взор
Тревожил в сердце струны.

Краснея,
Не смея
Поднять влюбленный взгляд,
Срезал я,
Вязал я
Колосьев спелых ряд.

Да здравствует стыдливый пол!
Когда мороз ревнивый зол,
Обняв подругу в танце,
Мы забываем боль невзгод,
Нам сердце жаром обдает
Огонь ее румянца.

Любви не знавший дуралей
Достоин сожаленья.
Во взоре матери своей
Увидит он презренье.

Укором,
Позором
Мы заклеим того,
Кто не любил
В расцвете сил
На свете никого!

Пусть вы, сударыня, росли
Под кровом дедовским — вдали
От наших изб крестьянских,
Вам незнаком амбар и хлев,
Зато вам по сердцу напев
Старинных лир шотландских.

Спасибо вам за ваш привет.
Горжусь таким союзом.
Благодарю за пестрый плед.
Я в нем приятней музам.

Простой наряд страны моей,
Он для меня дороже
Всех горностаев королей
И бархата вельможи.

Прощайте!
Не знайте
Ни горя, ни потерь.
Пусть ссоры,
Раздоры
Минуют вашу дверь!

МОИ ПАРЕНЬ

Он чист душой, хорош собой,
Такого нет и в сказках.
Он ходит в шляпе голубой
И вышитых подвязках.

Ему я сердце отдала, —
Он будет верным другом.
Нет в мире лучше ремесла,
Чем резать землю плугом.

Придет он вечером домой,
Промокший и усталый.
— Переоденься, милый мой,
И ужинать пожалуй!

Я накормить его спешу.
Постель ему готова.
Сырую обувь посушу
Для друга дорогого.

Я много ездила вокруг,
Видала местных франтов,
Но лучше всех плясал мой друг
Под скрипки музыкантов.

Как снег, сияли белизной
Чулки из шерсти тонкой.
Вскружил башку он не одной
Плясавшей с ним девчонке.

Уж с ним-то буду я сыта, —
Ведь я неприхотлива.
Была бы миска не пуста
Да в кружке было пиво!

СЧАСТЛИВАЯ ДРУЖБА

Беззаботны и свободны,
Мы собрались у огня.
Дружба полночью холодной
Вас пригрела и меня.

С каждым часом веселее
И дружнее тесный круг.
А когда мы захмелеем,
Нам опорой будет друг.

День и ночь трясется скряга
Над заветным сундуком,
И не знает он, бедняга,
Что с весельем незнаком.

В шелк и мех одет вельможа,
Но куда он нас бедней!
Даже совесть он не может,
Не солгав, назвать своей.

Кубок огненный друг другу
Мы всю ночь передаем.
И, пустив его по кругу,
Песню дружную поем.

В крепкой дружбе — наша сила.
Дружбе — слава и хвала.
Дружба кубок освятила
И сюда нас привела!

ЗА ТЕХ, КТО ДАЛЁКО

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
А кто не желает свободе добра,
Того не помянем добром.

Добро быть веселым и мудрым, друзья,
Хранить прямоту и отвагу.
Добро за шотландскую волю стоять,
Быть верным шотландскому флагу.

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
За Чарли, что ныне живет на чужбине,
И горсточку верных при нем.

Свободе — привет и почет.
Пускай бережет ее Разум.
А все тирании пусть дьявол возьмет
Со всеми тиранами разом!

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
За славного Тэмми, любимого всеми,
Что нынче живет под замком.

Да здравствует право читать,
Да здравствует право писать.
Правдивой страницы
Лишь тот и боится,
Кто вынужден правду скрывать.

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
Привет тебе, воин, что вскормлен и воем
В снегах на утесе крутом!

СТРОЧКИ О ВОЙНЕ И ЛЮБВИ

Прикрытый лаврами разбой
И сухопутный и морской
Не стóит славословья,
Готов я кровь отдать свою
В том жизнетворческом бою,
Что мы зовем любовью.

Я славлю мира торжество,
Довольство и достаток.
Создать приятней одного,
Чем истребить десяток!

I

Пусть ветер, воя, точно зверь,
Завалит снегом нашу дверь, —
Я, сидя перед печью,
Примусь, чтоб время провести,
Стихи досужие плести
На дедовском наречье.

Пусть вьюга в щели будет дуть
И громоздить сугробы,
Я не завидую ничуть
Вам, знатные особы.

Ни дому
Большому,
Ни жару очагов.
Проклятья
Послать я
Вам, гордецы, готов.

II

Когда глядишь со стороны,
Как все дары поделены,
Нельзя не рассердиться.
Тех, кто получше, гнет нужда,
А богатеют без труда
Невежда и тупица.

Но, Дэви, парень, что́ роптать
На жребий наш суровый!
Нам не придется голодать,
Покуда мы здоровы.

Мы с горем
Поспорим.
Нам старость — нипочем!
Да и нужда —
Нам не беда.
И с ней мы проживем.

III

Ночлег в амбаре на земле,
Когда нуждается в тепле
Скудеющая кровь, —
Конечно, горькая беда,
Но все же радость и тогда
Нас посещает вновь.

Кто сердцем чист, душою прям
И прожил так, как надо,
К тому в беде по временам
Приходит и отрада.

Смотри же,
Найди же
В себе над страхом власть,
Беду забудь
И счастлив будь,
Что некуда упасть!

IV

Пускай, лишённые жилья,
Как птиц пролетная семья,
С тобой скитаться будем,
Но ширь полей, и листьев свод,
И даль долин, и ясность вод
Открыты вольным людям.

Когда цветут луга весны
И трель выводит дрозд,
Мы честной радости полны,
Бродя с утра до звезд.

На склонах
Зелёных
Случайно подберем
Мотив мы,
А рифмы
Придут к нему потом.

V

Ни громкий чин, ни важный ранг,
Ни лондонский богатый банк
Блаженства не дают,

Ни многолистые тома,
Ни эти парки и дома,
    Ни слава, ни уют.

Когда для счастья места нет,
    Простора нет в груди,
Объехать можешь целый свет,
    Но радости не жди.

    Успехи,
    Утехи
Не стоят ни гроша.
    Ты прае иль нет, --
    Пусть даст ответ
Тебе твоя душа.

VI

Неужто, Дэви, я и ты,
Трудясь с утра до темноты,
    Несчастней тех господ,
Одетых в шелк или в атлас,
Что еле замечают нас —
    Простой, честной народ?

Людей людьми не признают
    Хозяева палат.
Удел одних — тяжелый труд;
Удел других — разврат.

    В безделье,
    В похмелье
Они проводят дни.
    Ни в райский сад,
    Ни в чертов ад
Не веруют они.

VII

Зачем же, Дэви, милый друг,
 Нам скорбью омрачать досуг,
 Покоя краткий час?
 А коль в беду мы попадем,
 И в ней мы доброе найдем,
 Как видел я не раз.

Пускай беда нам тяжела,
 Но в ней ты узнаёшь,
 Как отличать добро от зла,
 Где правда и где ложь.

Напасти,
 Несчастья —
 Суровый нам урок,
 Но годы
 Невзгоды
 Порой идут нам впрок.

VIII

Собрат мой милый по судьбе,
 Послушай, что скажу тебе.
 (Чужда мне ложь и лесть!)
 С тобой мы радости нашли.
 За все сокровища земли
 Таких не приобрести.

Они дают покой, уют,
 Какого нет в раю.
 Твою отраду «Мэг» зовут,
 А «Джин» зовут мою.

Довольно
Невольно
Мне вспомнить имя Джин, —
Тепло мне,
Светло мне,
И я уж не один.

IX

Того, кто создал плоть и кровь,
Того, кто есть сама любовь,
В свидетели зову,
Что эта радость мне милей
Всех благ земных, души моей,
Всего, чем я живу.

Когда тревоги терпкий яд
Мою сжигают грудь,
Довольно вспомнить милый взгляд,
Чтоб силы мне вернуть.

В несчастье,
В ненастье
И в солнечные дни
Ее ты
Заботой
Своею осени!

X

Моя награда из наград —
Слеза любви, участия взгляд,
Улыбка добрых глаз!
Давно бы где-нибудь в пути

Я свой конец успел найти,
Не будь на свете вас.

Делю я с другом юных дней
Невзгод тяжелый груз.
Но узы есть еще нежней,
Чем дружеский союз.

Милее, -
Светлее
Теперь мне этот свет,
Где ты, моя
Любимая,
И Дэви, друг-поэт.

XI

Назвал я Джин — и вот ко мне
Несутся строчки в тишине,
Жужжат, сбегаясь в строй,
Как будто Феб и девять муз,
Со мной вступившие в союз,
Ведут их за собой.

И пусть хромает мой Пегас,
Слегка его пришпорь, —
Пойдет он рысью, вскачь и в пляс,
Забыв и лень и хворь.

Но потное
Животное
Я должен пожалеть.
Пора в пути
С коня сойти
И пот с него стереть.

СОН

(Отрывок)

За речи, мысли и дела карает нас закон,
Но не карает никого за вольнодумный сон.

Прочитав в газетах оду поэта-лауреата и описание торжественного приема во дворце по случаю дня рождения короля 4 июня 1786 года, автор заснул и увидел во сне, будто он присутствует на этом приеме и читает следующее приветствие:

Прошу, примите, государь,
Привет ко дню рожденья,
Как принимали вы и встарь
Поэтов поздравленья.
В кругу вельмож поэт-пугарь —
Престранное явленье.
Но, заглянув в свой календарь,
Спешу к вам в этот день я,
В столь славный день.

Сияют яркие огни.
Теснится знать в приемной.
И «Боже, короля храни!»
Твердят кукушки томно.
Стихами славит ваши дни
Поэтов хор наемный,

Припомнив доблести одни,
Не видя тени темной
    В столь светлый день.

Но льстивых од я не припас,
Обычных в этом зале.
К тому ж я не в долгу у вас, —
Мне пенсий не давали.
Сказать могу я без прикрас
И ошибусь едва ли,
Что были хуже вас у нас
И лучшие бывали
    В минувший день.

Пускай не звучно, не красно
Мое простое слово,
Но с правдой спорить мудрено.
Она всегда сурова.
Гнездо у вас разорено,
Его мы чиним снова,
А что в гнезде сохранено,
Есть только треть бывшего
    На этот день.

Законодателя страны
Я не хочу бесславить,
Сказав, что вы не так умны,
Чтоб наш народ возглавить.
Но вы изволили чины
И званья предоставить
Шутам, что хлев мести должны,
А не страною править
    В столь трудный день!

Вы дали мир нам наконец.
Мы чиним руки, ноги.

Зато стригут нас, как овец,
Жестокие налоги.
Меня пахать учил отец,
Но я живу в тревоге,
Что я найду такой конец,
Как мой баран безрогий
    В печальный день.

Подозревать я не могу
Ни в чем Вильяма Питта.
С баранов шерсть я сам стригу,
Он нас стрижет сердито.
Я знаю, вы кругом в долгу,
Расходы не покрыты.
Но черт возьми! Пусть сберегут
Хоть флот наш знаменитый
    В столь грозный день.

Итак, прощайте. Долгих лет!
Пускай под вашей сенью
Мы видим вольности расцвет,
Конец растрат, хищенья.
Хотя на празднества поэт
Пришел без приглашенья, —
Он королеве шлет привет,
А также поздравленья
    В столь славный день!..

НАСЕКОМОМУ, КОТОРОЕ ПОЭТ УВИДЕЛ
НА ШЛЯПЕ НАРЯДНОЙ ДАМЫ
ВО ВРЕМЯ ЦЕРКОВНОЙ СЛУЖБЫ

Куда ты, низкое создание?
Как ты проникло в это зданье?
Ты водишься под грубой тканью,
    А высший свет —
Тебе не место: пропитанья
    Тебе здесь нет.

Средь шелка, бархата и газа
Ты не укроешься от глаза.
Несдобровать тебе, пролаза!
    Беги туда,
Где голод, холод и зараза
    Царят всегда.

Иди знакомою дорогой
В жилища братии убогой,
Где вас, кусающихся, много,
    Где борона
Из гладкой кости или рога
    Вам не страшна!

А ежели тебе угодно
Бродить по шляпе благородной, —

Тебе бы спрятаться, негодной,
В шелка, в цветы...
Но нет, на купол шляпки модной
Залезла ты!

На всех вокруг ты смотришь смело,
Как будто ты — крыжовник спелый,
Уже слегка порозовелый.
Как жаль, что нет
Здесь порошка, чтоб околела
Ты в цвете лет!

И пусть не встряхивает дама
Головкой гордой и упрямой.
О, как должна она от срама
Потупить взгляд,
Узнав, что прихожане храма
За ней следят...

Ах, если б у себя могли мы
Увидеть всё, что ближним зримо,
Что видит взор идущих мимо
Со стороны, —
О, как мы стали бы терпимы
И как скромны!

Ах, тетя, совета прошу я!
Пропала, попала я в плен.
Обидеть родню не хочу я,
Но всех мне милее Тэм Глен.

С таким молодцом мне не надо
Бояться судьбы перемен.
Я буду и бедности рада, —
Лишь был бы со мною Тэм Глен.

Наш лорд мне кивает: «Плутовка!..»
Ну что тебе, старый ты хрен?
Небось ты не спляшешь так ловко,
Как пляшет под скрипки Тэм Глен.

Мне мать говорила сердито:
— Мужских опасайся измен.
Повесе скорей откажи ты! —
Но разве изменит Тэм Глен?

Сулит за отказ мне сто марок
Отец, да не знает он цен!
Сто марок — богатый подарок,
Но много дороже Тэм Глен!

Я в день Валентина гадала.
О, как же мой жребий блажен!
Три раза я жребий кидала,
И вышло три раза: Тэм Глен.

Под праздник осенний я тоже
Гадала. И вижу: вдоль стен
Идет — до чего же похожий! —
В штанах своих серых Тэм Глен.

Кто ж, тетя, возьмет меня замуж?
Ты мне погадай, а взамен
Я черную курицу дам уж, —
Но только скажи, что Тэм Глен!

КОГДА КОНЧАЛСЯ СЕНОКОС

Когда кончался сенокос,
И колыхалась рожь волной,
И запах клевера и роз
Струей вливался в летний зной,

Когда в саду среди кустов
Жужжала сонная пчела, —
В тени, в загоне для коров
Беседа медленная шла.

Сказала Бесси, наклонясь
К своей соседке древних лет:
— Идти я замуж собралась.
— Ну что ж, худого в этом нет.

Твоих поклонников не счесть,
А ты, голубка, молода.
Ты можешь выбрать — время есть —
Себе усадьбу хоть куда!

Взяла бы Джона ты в мужья
Из Баски-Глена. Парень — клад.
А знаешь, курочка моя,
Где есть достаток, там и лад.

— Ну что мне Джон! На что мне он!
Я на него и не взгляну.
Свои амбары любит Джон, —
Зачем любить ему жену!

Мне Робин по сердцу давно,
И знаю, — я ему мила.
Я за словцо его одно
Весь Баски-Глен бы отдала!

— Но жизнь, малютка, не легка.
К богатству, к счастью — путь крутой.
И верь мне, полная рука
Куда сильней руки пустой.

Кто поумней, тот бережет.
У тех, кто тратит, нет ума.
И уж какой ты сварись мед,
Такой и будешь пить сама!

— О да, за деньги не хитро
Купить поля, луга, стада,
Но золото и серебро
Не купят сердца никогда!

Пусть мой удел — убогий дом,
Пустой амбар и тесный хлев, —
Вдвоем мы лучше заживем
Всех королей и королев.

В ЯЧМЕННОМ ПОЛЕ

Так хороши пшеница, рожь
Во дни уборки ранней.
А как ячмень у нас хорош,
Где был я с милой Анни.

Под первый августовский день
Спешил я на свиданье.
Шумела рожь, шуршал ячмень.
Я шел навстречу Анни.

Вечерней позднею порой —
Иль очень ранней, что ли? —
Я убедил ее со мной
Побыть в ячменном поле.

Над нами свод был голубой,
Колосья нас кололи.
Я усадил перед собой
Ее в ячменном поле.

В одно слились у нас сердца.
Одной мы жили волей.
И целовал я без конца
Ее в ячменном поле.

Кольцо моих сплетенных рук
Я крепко сжал — до боли
И слышал сердцем сердца стук
В ту ночь в ячменном поле.

С тех пор я рад бывал друзьям,
Пирушке с буйным шумом,
Порою рад бывал деньгам
И одиноким думам.

Но все, что пережито мной,
Не стоит содой доли
Минуты радостной одной
В ту ночь в ячменном поле!

Моя любовь давно минувших лет,
Твой милый голос в сердце не умолк.
Прими же дружбы искренний привет.
Да, дружбы, — лишь ее нам разрешает долг.

Когда получишь этот скромный дар,
Вздыхни разок, подумав обо мне —
О том, кого томит в краю полдневном жар
Иль океан таит в холодной глубине.

ЦВЕТОК ДЭВОНА

О как ты прозрачен, извилистый Дэвон,
Кусты осеняют цветущий твой дол.
Но лучший из лучших цветов твоих, Дэвон,
У берега Эйра когда-то расцвел.

Солнце, щади этот нежный, без терний,
Алый цветок, напоенный росой
Пусть из подкравшейся тучи вечерней
Бережно падает ливень косой.

Мимо лети, седокрылый восточный
Ветер, ведущий весенний рассвет.
Пусть лепестков не коснется порочный
Червь, поедающий листья и цвет.

Лилией стройной гордятся Бурбоны,
В гордой Британии розе почет.
Лучший цветок среди роши зеленой
Где-то у Дэвона скромно цветет.

Прощусь, Элиза, я с тобой
Для дальних, чуждых стран.
Мою судьбу с твоей судьбой
Разделит океан.

Пусть нам в разлуке до конца
Томиться суждено, —
Не разлучаются сердца,
Что спаяны в одно!

Оставляю я в родной стране
Тебя, мой лучший клад.
И тайный голос шепчет мне:
Я не вернусь назад.

Последнее пожатье рук
Я унесу с собой.
Тебе — последний сердца стук
И вздох последний мой.

МОЕМУ
НЕЗАКОННОРОЖДЕННОМУ РЕБЕНКУ

Дочурка, пусть со мной беда
Случится, ежели когда
Я покраснею от стыда,
    Боясь упрека
Или неправого суда
    Молвы жестокой.

Дитя моих счастливых дней,
Подобье матери своей,
Ты с каждым часом мне милей,
    Любви награда,
Хоть ты, по мненью всех церквей, —
    Исчадь ада.

Пускай открыто и тайком
Меня зовут еретиком,
Пусть ходят обо мне кругом
    Дурные слухи, —
Должны от скуки языком
    Молоть старухи!

И все же дочери я рад,
Хоть родилась ты невпопад
И за тебя грозит мне ад
    .И суд церковный, —
В твоём рожденье виноват
    Я безусловно.

Ты — память счастья юных лет
Увы, к нему потерян след.
Не так явилась ты на свет,
    Как нужно людям,
Но мы делить с тобой обед
    И ужин будем.

Я с матерью твоей кольцом
Не обменялся под венцом,
Но буду нежным я отцом
    . Тебе, родная.
Расти веселым деревцом,
    Забот не зная.

Пусть я нуждаться буду сам,
Но я последнее отдам,
Чтоб ты могла учиться там,
    Где все ребята,
Чьих матерей водили в храм
    Отцы когда-то.

Тебе могу я пожелать
Лицом похожей быть на мать,
А от меня ты можешь взять
    Мой нрав беспечный,
Хотя в грехах мне подражать
    Нельзя, конечно!

ЛЮБОВЬ И БЕДНОСТЬ

Любовь и бедность навсегда
Меня поймали в сети.
По мне и бедность не беда,
Не будь любви на свете.

Зачем разлучница-судьба —
Всегда любви помеха?
И почему любовь — раба
Достатка и успеха?

Богатство, честь в конце концов
Приносят мало счастья.
И жаль мне трусов и глупцов,
Что их покорны власти.

Твои глаза горят в ответ,
Когда теряю ум я,
А на устах твоих совет —
Хранить благоразумье.

Но как же мне его хранить,
Когда с тобой мы рядом?
Но как же мне его хранить,
С тобой встречаясь взглядом?

На свете счастлив тот бедняк
С его простой любовью,
Кто не завидует никак
Богатому сословью.

Ах, почему жестокий рок —
Всегда любви помеха
И не цветет любви цветок
Без славы и успеха?

ЧТО ДЕЛАТЬ ДЕВЧОНКЕ?

Что делать девчонке? Как быть мне, девчонке?
Как жить мне, девчонке, с моим муженьком?
За шиллинги, пенни загублена Дженни,
Обвенчана Дженни с глухим стариком.

Ворчлив он и болен, всегда недоволен.
В груди его холод, в руках его лед.
Кряхтит он, бормочет, уснуть он не хочет.
Как тяжко пробыть с ним всю ночь напролет!

Брюзжит он и злится, знакомых боится,
Друзей сторонится — такой нелюдим!
Ко всем он ревнует жену молодую.
В худую минуту я встретила с ним.

Спасибо, на свете есть тетушка Кэтти —
Она мне дала драгоценный совет.
Во всем старикану перечить я стану,
Пока он не лопнет на старости лет!

СВАТОВСТВО ДУНКАНА ГРЭЯ

Дункан Грэй давно влюблен,
И в ночь под рождество
К нам свататься приехал он...
Вот это сватовство!

Приехал в праздничную ночь
Хозяйскую посватать дочь,
Но был с позором прогнан прочь.
Ха-ха! Вот сватовство!

Затылок взмок у жениха,
Ха-ха! Вот сватовство!
А Мэгги будто бы глуха —
Не слышит ничего.

Он заводил с ней разговор,
Глаза и нос ладонью тер,
Топиться бегал через двор.
Вот это сватовство!

Любовь отвергнутая зла.
Вот это сватовство!
У парня рана зажила —
Вот это сватовство!

— Я, — говорит, — не так уж глуп,
Чтоб превратиться в жалкий труп
Из-за того, что ей не люб! —
Ха-ха! Вот сватовство!

А Мэгги кличет докторов,
Вот это сватовство!
Она больна, а он здоров.
Вот это сватовство!

Что злой недуг с людьми творит!
В ее груди огонь горит,
А взгляд так много говорит...
Вот это сватовство!

Был добрый парень — Дункан Грэй.
Вот это сватовство!
Он скоро сжалился над ней,
Вот это сватовство!

Не мог он грех на совесть взять —
Лишить любимой дочери мать.
Он едет свататься опять...
Вот это — сватовство!

МОЛИТВА СВЯТОШИ ВИЛЛИ

О ты, не знающий преград!
Ты шлешь своих любезных чад —
В рай одного, а десять в ад,
Отнюдь не глядя
На то, кто прав, кто виноват,
А славы ради.

Ты столько душ во тьме оставил.
Меня же, грешного, избавил,
Чтоб я твою премудрость славил
И мощь твою.
Ты маяком меня поставил
В родном краю.

Щедрот подобных ожидать я
Не мог, как и мои собратья.
Мы все отмечены печатью
Шесть тысяч лет —
С тех пор как заслужил проклятье
Наш грешный дед.

Я твоего достоин гнева
Со дня, когда покинул чрево.

Ты мог послать меня налево —
В крошечный ад,
Где нет из огненного зева
Пути назад.

Но милосердию нет меры.
Я избежал огня и серы
И стал столпом, защитой веры,
Караю грех
И благочестия примером
Служу для всех.

Изобличаю я сурово
Ругателя и сквернословия,
И потребителя хмельного,
И молодежь,
Что в праздник в пляс пойти готова,
Подняв галдеж.

Но умоляю провиденье
Простить мои мне прегрешенья.
Подчас мне бесы вождельня
Терзают плоть.
Ведь нас из праха в день творенья
Создал господь!

Вчера я вышел на дорогу
И встретил Мэгги-недотрогу.
Клянусь всевидящему богу,
Обет приму,
Что на нее я больше ногу
Не подниму!

Еще я должен повиниться,
Что в постный день я у девицы,
У этой Лиззи смуглолицей,
Гостил тайком.

Но я в тот день, как говорится,
    Был под хмельком.

Но, может, страсти плоти бренной
Во мне бушуют неизменно,
Чтоб не мечтал я дерзновенно
    Жить без грехов.

О, если так, я их смиренно
    Терпеть готов!

Храни рабов твоих, о боже,
Но покарай как можно строже
Того из буйной молодежи,
    Кто без конца
Дает нам клички, строит рожи.
    Забыв творца.

К таким причислить многих можно.
Вот Гамильтон — шутник безбожный.
Пристрастен он к игре картежной,
    Но всем так мил,
Что много душ на путь свой ложный
    Он совратил.

Когда ж пытались понемножку
Мы указать ему дорожку,
Над нами он смеялся в лежку
    С толпой друзей, —
Господь, сгнои его картошку
    И сельдерей!

Еще казни, о царь небесный,
Пресвитеров из церкви местной.
(Их имена тебе известны.)

    Рассыпь во прах
Тех, кто судил о нас нелестно
    В своих речах!

Вот Эйкен. Он — речистый малый.
Ты и начни с него, пожалуй.
Он так рабов твоих, бывало,
    Нешадно бьет,
Что в жар и в холод нас бросало,
    Вгоняло в пот.

Для нас же — чад твоих смиренных —
Ты не жалея своих бесценных
Даров — и тленных и нетленных,
    Нас не покинь,
А после смерти в сонм блаженных
    Прими. Аминь!

Святого Вилли жалкий прах
Покоится в могиле.
Но дух его не в небесах.
Пошел налево Вилли.

Постойте! Мы его нашли
Между землей и адом.
Его лицо черней земли.
Но кто идет с ним рядом?

А, понимаю, — это черт
С девятихвостой плеткой.
— Не согласитесь ли, милорд,
На разговор короткий?

Я знаю, жалость вам чужда.
В аду свои законы.
Нет снисхожденья у суда,
И минул день прощенный...

Но для чего тащить во мрак
Вам эту жертву смерти?
Покойник был такой дурак,
Что засмеют вас черти!

Со скрипкой черт пустился в пляс
И в ад умчал акцизного,
И все кричали: — В добрый час!
Он не вернется сызнова!

Мы варим пива лучший сорт
И пьем, справляя тризну.
Спасибо, черт, любезный черт, —
К нам не придет акцизный!

Есть пляски разные у нас
В горах моей отчины,
Но лучший пляс, чертовский пляс
Сплясал в аду акцизный!

ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ

Мой друг — лукавый, ловкий вор,
Не воровал ты до сих пор.
Зато сердца твой быстрый взор
    Умеет красть.
Перед тобой любой затвор
    Готов упасть.

И сам я устоять не мог.
Не раз к тебе, не чуя ног,
Шагал я по камням дорог
    И грязь месил,
И ровно двадцать пар сапог
    Я износил.

Ты создан был природой шалой
Из дорогого матерьяла.
Она тобою увенчала
    Наш скудный век
И каждой черточкой сказала:
    — Вот человек!

Сейчас я в творческом припадке,
Башка варит, и все в порядке.
Строчу стихи, как в лихорадке,

А ты, мой друг,
Прочти их бегло, если краткий
Найдешь досуг.

Одни рифмуют из расчета,
Другие, чтоб задеть кого-то,
А третьи тщетно ждут почета
И громкой славы,
Но мне писать пришла охота
Так, для забавы.

Я обойден судьбой суровой.
Кафтан достался мне дешевый,
Убогий дом, доход грошовый,
Я весь в долгу,
Зато игрой ума простого
Блеснуть могу.

Поставил ставку я задорно
На четкий, черный шрифт наборный,
Но разум мне твердит упорно:
— Куда спешишь?
Ты этой страстью стихотворной
Всех насмешишь!

Поэты, — где такие ныне?
Собаку съевшие в латыни,
Мечтали, полные гордыни,
Жить сотни лет,
Но их давно уж нет в помине, —
Простыл и след.

Итак, пора мечту оставить
Себя поэзией прославить.
Косу и серп я буду править,
Налажу плуг

И буду петь, чтоб позабавить
Поля вокруг.

Я проживу безвестной тенью,
Не слыша, как бегут мгновенья.
Когда ж порвутся жизни звенья, —
Покину свет,
Как и другие поколенья,
Которых нет.

Но говорить о смерти рано.
Полны мы жизнью неустанной.
Давай поднимем парус рванный,
Возьмем штурвал,
Чтоб ветер счастья пеной пьяной
Нас обдавал.

Мой друг, живем мы в царстве фен,
Где смех — оружие чародея.
Коль, этой палочкой владея,
Отдашь приказ,
Часы бегут минут быстрее,
Пускаясь в пляс.

Не трать же время жизни краткой!
Примерно с пятого десятка
Мы вниз с горы походкой шаткой
Трусить должны,
Одышкой, кашлем, лихорадкой
Изнурены.

Когда достигли мы заката,
Бродить, мечтать нам скучновато.
Вино слабее, чем когда-то,
Бьет через край.
И то, чем жизнь была богата, —
Любовь, — прощай!

Но жизнь безоблачна вначале,
Мечта лучами красит дали.
Летим, не слушая морали,
Мы на простор,
Как мальчишки, что побежали
На школьный двор.

Мы на ходу срываем розы,
Не замечая в них угрозы.
И даже первые занозы
Нам не страшны.
Мгновенно солнце сушит слезы
Во дни весны.

Одни идут дорогой гладкой
И, не трудясь в поту над грядкой,
Едят обильно, жирно, сладко
И свысока
Глядят на дом с оградой шаткой —
Дом бедняка.

Другие борются за счастье,
Полны надежды, воли, страсти,
Стремясь достичь богатства, власти
Любой ценой,
Чтобы потом, забыв ненастье,
Вкушать покой.

А третьи, путь покинув торный
(Как, скажем, ваш слуга покорный),
Сбиваются с тропинки горной
Туда-сюда.
Таким на склоне лет бесспорно
Грозит нужда.

Но лучше труд до изнуренья,
Чем с жалкой жизнью примиренье.
Пусть смотрит с неба бледной тенью
Фортуны серп,
Не помешает вдохновенью
Ее ущерб.

Но здесь перо я оставляю
И провиденье умоляю,
Пред ним колени преклоняя:
Пускай со мной
Кочует вместе в край из края
Созвучий рой.

Дай сочный ростбиф местным лордам
Чтоб жир по их струнлся мордам,
Дай галуны гвардейцам гордым
И боевым,
А виски — на ногах нетвердым
Мастеровым.

Дай Демпстеру желанный титул,
Подвязку дай премьеру Питту...
Стремится к прибыли, кредиту
Негоциант.
А мне лишь разум сохрани ты,
Да и талант.

Мне для покоя нужно мало:
Чтобы здоровье не хромало.
Ну и обед какой попало,
Простой на вкус,
Но чтоб молитву прочитала
Одна из муз.

Мне не страшны судьбы угрозы,
Ненастье, стужа и морозы.
Гоню я рифмой вздохи, слезы,
Пою, шучу.
И, враг заботы, скуки, прозы,
Стихи строчу.

Вы, что по правилам живете
В тиши, в довольстве и в почете,
Пускай безумным вы зовете
Меня подчас,
Вода стоячая в болоте —
Душа у вас.

На ваших лицах деревянных,
Таких безличных, безмянных,
Нет и следа восторгов пьяных.
Ваш голос глух.
Он, как басы в плохих органах,
Томит наш слух.

Ступая важно и степенно,
На тех вы смотрите надменно,
Которым море по колено, —
На грешный люд, —
И ввысь взираете блаженно.
Там — ваш приют!

А я куда пойду — не знаю,
К воротам ада или рая.
Но, эту песню обрывая,
Скажу я, брат,
Что буду я любому краю
С тобою рад!

ТЭМ О'ШЕНТЕР

(Повесть в стихах)

Когда на город ляжет тень,
И кончится базарный день,
И продавцы бегут, задвинув
Засовом двери магазинов,
И нас кивком сосед зовет
Стряхнуть ярмо дневных забот, —

Тогда у полной бочки эля,
Вполне счастливые от хмеля,
Мы не считаем верст, канав,
Мостков, опасных переправ
До нашего родного крова,
Где ждет жена, храня сурово
Свой гнев, как пламя очага,
Чтоб мужа встретить как врага.

Об этом думал Тэм О'Шентер,
Когда во тьме покинул центр
Излюбленного городка,
Где он наклюкался слегка.

А город, где он нализался —
Старинный Эйр, — ему казался

Гораздо выше всех столиц
По красоте своих девиц.

О Тэм! Забыл ты о совете
Своей супруги — мудрой Кэтти.
А ведь она была права...
Припомни, Тэм, ее слова:

«Бездельник, шут, пропойца старый,
Не пропускаешь ты базара,
Чтобы не плюхнуться под стол.
Ты пропил с мельником помол.
Чтоб ногу подковать кобыле,
Вы с кузнецом две ночи пили.
Ты в праздник ходишь в божий дом,
Чтобы потом за полной кружкой
Ночь просидеть с церковным служкой
Или нарезать с дьячком!
Смотри же: в полночь ненароком
Утонешь в омуте глубоком
Иль попадешь в гнездо чертей
У старой церкви Аллоуэй!»

О жены! Плакать я готов,
Припомнив, сколько мудрых слов
Красноречивейшей морали
Мы без вниманья оставляли...

Но продолжаем повесть. Тэм
Сидел в трактире перед тем.
Трещало в очаге полено.
Над кружками клубилась пена,
И слышался хрустальный звон.
Его сосед — сапожник Джон —
Был верный друг его до гроба:
Не раз под стол валились оба!

Так проходил за часом час.
А в очаге огонь не гас.
Шел разговор. Гремели песни.
Эль становился все чудесней.
И Тэм О'Шентер через стол
Роман с трактирщицей завел.
Они обменивались взглядом;
Хотя супруг сидел с ней рядом.
Но был он, к счастью, погружен
В рассказ, который начал Джон,
И, голос Джона прерывая,
Гремел, как туча грозовая.
То дождь, то снег хлестал в окно,
Но пьяным было все равно!

Заботы в кружках потонули,
Минута каждая плыла,
Как пролетающая в улей
Перегруженная пчела.

Блажен король. Но кружка с пивом
Любого делает счастливым!

Но счастье — точно маков цвет:
Сорвешь цветок — его уж нет.
Часы утех подобны рою
Снежинок легких над рекою:
Примчатся к нам на краткий срок
И прочь летят, как ветерок.
Так исчезает, вспыхнув ярко,
На небе радужная арка...

Всему на свете свой черед.
И Тэм из-за стола встает.
Седлает клячу он во мраке.

Кругом не слышно и собаки.
Не позавидуешь тому,
Кто должен мчаться в эту тьму!

Дул ветер из последних сил,
И град хлестал, и ливень лил,
И вспышки молний тьма глотала,
И небо долго грохотало...
В такую ночь, как эта ночь,
Сам дьявол погулять не прочь.

Но поворот за поворотом —
О'Шентер мчался по болотам.
Рукой от бури заслонясь,
Он несся вдаль, взметая грязь.

То шляпу он сжимал в тревоге,
То пел сонеты по дороге,
То зорко вглядывался в тьму,
Где черт мерещился ему...

Вот, наконец, неясной тенью
Мелькнула церковь в отдаленье.
Оттуда слышался, как зов,
Далекий хор чертей и сов.

Невдалеке — знакомый брод.
Когда-то здесь у этих вод
В глухую ночь на берегу
Торговец утонул в снегу.

Здесь, у прибрежных этих скал,
Пропойца голову сломал.

Там — под поникшею раkitой —
Младенец найден был зарытый.

А дальше — тот засохший дуб,
Где женщины качался труп...

Разбуженная непогодой,
Река во тьме катила воды.
Кругом гремел тяжелый гром,
Змеился молнии излом.
И невдали за перелеском,
Озарена туманным блеском,
Меж глухо стонущих ветвей
Открылась церковь Аллоуэй.
Неслись оттуда стоны, крики,
И свист, и визг, и хохот дикий.

Ах, Джон Ячменное Зерно!
В твоём огне закалено,
Оживлено твоею чашей,
Не знает страха сердце наше.
От кружки мы полезем в ад.
За чаркой нам сам черт не брат!
А Тэм О'Шентер был под мухой
И не боялся злого духа,
Но клячу сдвинуть он не мог,
Пока движеньем рук и ног,
Угрозой, ласкою и силой
Не сладил с чертовой кобылой.
Она, дрожа, пошла к вратам.
О боже! Что творилось там!..

Толпясь, как продавцы на рынке,
Под трубы, дудки и волынки
Водили адский хоровод
Колдуньи, ведьмы всех пород.

И не кадрили они плясали,
Не новомодный котильон,
Что привезли к нам из Версаля,
Не танцы нынешних времен,
А те затейливые танцы,
Что знали старые шотландцы:
Взлетали, топнув каблуком,
Вертелись по полу волчком.

На этом празднике полночном
На подоконнике восточном
Сидел с волынкой старый Ник
И выдувал бесовский джиг.

Всё веселей внизу плясали.
И вдруг гроба, открывшись, встали,
И в каждом гробе был скелет
В истлевшем платье прошлых лет.

Все мертвецы держали свечи.
Один мертвец широкоплечий
Чуть звякнул кольцами оков.
И понял Тэм, кто он таков.

Тут были крошечные дети,
Что мало прожили на свете
И умерли, не крещены,
В чем нет, конечно, их вины...

Тут были воры и злодеи
В цепях, с веревкою на шее.
При них орудья грабежа:
Пять топоров и три ножа,
Одна подвязка, чье объятье

Прервало краткий век дитяти.
Один кинжал, хранивший след
Отцеубийства древних лет:
Навеки к острию кинжала
Седая прядь волос пристала...
Но тайну остальных улик
Не в силах рассказать язык.
Безмолвный Тэм глядел с кобылы
На этот сбор нечистой силы
В старинной церкви Аллоуэй.
Кружились ведьмы всё быстрее,
Неслись вприпрыжку и вприскокку,
Гуськом, кружком и в одиночку,
То парами, то сбившись в кучу,
И пар стоял над ними тучей.
Потом разделись и в белье
Плясали на своем тряпье.

Будь эти пляшущие тетки
Румянощекие красотки,
И будь у теток на плечах
Взамен фланелевых рубах
Сорочки ткани белоснежной,
Стан обвивающие нежно, —
Клянусь, отдать я был бы рад
За их улыбку или взгляд
Не только сердце или душу,
Но и штаны свои из плюша,
Свои последние штаны,
Уже не первой новизны.

А эти ведьмы древних лет,
Свой обнажившие скелет,
Живые жерди и ходули
Во мне нутро перевернули!

Но Тэм нежданно разглядел
Среди толпы костлявых тел,
Обтянутых гусиной кожей,
Одну бабенку помоложе.
Как видно, на бесовский пляс
Она явилась в первый раз.
(Потом молва о ней гремела,
Она и скот губить умела,
И корабли пускать на дно,
И портить в колосе зерно!)

Она была в рубашке тонкой,
Которую еще девчонкой
Носила, и давно была
Рубашка ветхая мала.
Не знала бабушка седая,
Сорочку внучке покупая,
Что внучка в ней плясать пойдет
В пустынный храм среди болот,
Что бесноваться будет Нэнни
Среди чертей и привидений...

Но музу должен я прервать.
Ей эта песня не под стать,
Не передаст она, как ловко
Плясала верткая чертовка,
Как на кобыле бедный Тэм
Сидел недвижен, глух и нем,
А дьявол, потеряв рассудок,
Свирепо дул в десяток дудок.

Но вот прыжок, еще прыжок —
И удержаться Тэм не мог.
Он прохрипел, вздыхая тяжко:
«Ах ты, короткая рубашка!..»

И в тот же миг прервался пляс,
И замер крик, и свет погас...

Но только тронул Тэм поводья,
Завыло адское отродье...

Как мчится пчел гудящий рой,
Когда встревожен их покой,
Как носится пернатых стая,
От лап кошачьих улетая,
Иль как народ со всех дворов
Бежит на крик: «Держи воров!»

Так Мэгги от нечистой силы
Насилу ноги уносила
Через канаву, пень, бугор,
Во весь галоп, во весь опор...

О Тэм! Как жирную селедку,
Тебя швырнут на сковородку.
Напрасно ждет тебя жена —
Вдовой останется она.
Несдобровать твоей кобыле, —
Ее бока в поту и мыле.

О Мэг! Скорей беги на мост
И покажи нечистым хвост:
Боятся ведьмы, бесы, черти
Воды текучей, точно смерти!

Увы, еще перед мостом
Пришлось ей повертеть хвостом.
Как вздрогнула она, бедняжка,
Когда Короткая Рубашка,
Вдруг вынырнув из-за куста,
Вцепилась ей в репей хвоста!..

В последний раз собравшись с силой,
Рванулась добрая кобыла,
Взлетела на скрипучий мост,
Чертям оставив серый хвост...

Ах, после этой страшной ночи
Во много раз он стал короче!..

На этом кончу я рассказ.
Но если кто-нибудь из вас

Прельстится полною баклажкой
Или Короткою Рубашкой, —

Пускай припомнит град, и снег,
И старую кобылу Мэг!..

ПЕСНЯ

Ты свистни — тебя не заставлю я ждать,
Ты свистни — тебя не заставлю я ждать.
Пусть будут браниться отец мой и мать,
Ты свистни — тебя не заставлю я ждать!

Но в оба гляди, пробираясь ко мне.
Найди ты лазейку в садовой стене,
Найди три ступеньки в саду при луне.
Иди, но как будто идешь не ко мне,
Иди, будто вовсе идешь не ко мне.

А если мы встретимся в церкви, смотри:
С подругой моей, не со мной говори,
Украдкой мне ласковый взгляд подари,
А больше — смотри! — на меня не смотри,
А больше — смотри! — на меня не смотри!

Другим говори, нашу тайну храня,
Что нет тебе дела совсем до меня.
Но, даже шутя, берегись, как огня,
Чтоб кто-то не отнял тебя у меня,
И вправду не отнял тебя у меня!

Ты свисти — тебя не заставлю я ждать,
Ты свисти — тебя не заставлю я ждать.
Пусть будут браниться отец мой и мать,
Ты свисти — тебя не заставлю я ждать!

Меня в горах застигла тьма,
Январский ветер, колкий снег.
Закрылись наглухо дома,
И я не мог найти ночлег.

По счастью, девушка одна
Со мною встретилась в пути,
И предложила мне она
В ее укромный дом войти.

Я низко поклонился ей —
Той, что спасла меня в метель,
Учтиво поклонился ей
И попросил постлать постель.

Она тончайшим полотном
Застлала скромную кровать
И, угостив меня вином,
Мне пожелала сладко спать.

Расстаться с ней мне было жаль,
И, чтобы ей не дать уйти,
Спросил я девушку: — Нельзя ль
Еще подушку принести?

Она подушку принесла
Под изголовие мое.
И так мила она была,
Что крепко обнял я ее.

В ее щеках зарделась кровь,
Два ярких вспыхнули огня.
— Коль есть у вас ко мне любовь,
Оставьте девушкой меня!

Был мягок шелк ее волос
И завивался, точно хмель.
Она была душистей роз,
Та, что постлала мне постель.

А грудь ее была кругла, —
Казалось, ранняя зима
Своим дыханьем намела
Два этих маленьких холма.

Я целовал ее в уста —
Ту, что постлала мне постель,
И вся она была чиста,
Как эта горная метель.

Она не спорила со мной,
Не открывала милых глаз.
И между мною и стеной
Она уснула в поздний час.

Проснувшись в первом свете дня,
В подругу я влюбился вновь.
— Ах, погубили вы меня! —
Сказала мне моя любовь.

Целуя веки влажных глаз
И локон, вьющийся, как хмель,
Сказал я: — Много, много раз
Ты будешь мне стелить постель!

Потом иглу взяла она
И села шить рубашку мне,
Январским утром у окна
Она рубашку шила мне...

Мелькают дни, идут года,
Цветы цветут, метет метель,
Но не забуду никогда
Той, что постлала мне постель!

Что видят люди в городке,
Закутанном в закатный свет?
Сияет солнце в городке
Для той, кому соперниц нет.

С лучом прощаясь на ходу,
Она идет в зеленый сад.
Цветок, раскрывшийся в саду,
Ее прощальный ловит взгляд.

Как рады птицы вместе с ней
Встречать приветом юный год.
При ней свежее и милей
Ее сестры — весны приход.

Мигает солнце городку
И свежей зелени долин.
Но в этом славном городке
Нет никого прекрасней Джин.

Без милой Джинни нет цветов,
Без милой Джинни рай — не рай,
А с нею вместе я готов
Перенестись в Лапландский край.

В пещере с ней найду приют,
Согласен жить в норе любой.
Там, где метели воздух рвут,
Я заслоню ее собой.

Над городком пробыв часы,
Уходит вниз багряный шар...
Но никогда такой красы
Не озарял его пожар!..

БЕРЕЗЫ ЭБЕРФЭЛЬДИ

Не пойдешь ли, милый друг,
Милый друг, милый друг,
Не пойдешь ли, милый друг,
К березам Эберфельди?

Холмы, смеясь, уходят в даль.
Ручей играет, как хрусталь.
Забудем горе и печаль
В зеленом Эберфельди.

Там птицы пестрые поют,
Найдя в орешнике приют,
Или на крылышках снуют
В зеленом Эберфельди.

Струясь вдоль каменной стены,
Вода несется с вышины,
И рощи свежести полны
В зеленом Эберфельди.

Цветут цветы над крутизной,
Поток сверкает белизной,
Кропя, как дождь, в полдневный зной
Березы Эберфельди.

Пусть судьба дарит свой клад
Кому захочет — наугад,
Тебе одной я буду рад
В зеленом Эберфельди!

Пойдешь ли со мною, о Тибби Дунбар?
Пойдешь ли со мною, о Тибби Дунбар?
Поедем верхом иль в карете вдвоем,
А то и пешком по дорогам пойдем.

Отца твоего мне не нужен доход.
На что мне твой гордый и чопорный род?
Делить и нужду и достаток со мной
Приди ко мне, Тибби, в юбчонке одной.

БОСАЯ ДЕВУШКА

Об этой девушке босой
Я позабыть никак не мог.
Казалось, камни мостовой
Терзают кожу нежных ног.

Такие ножки бы одеть
В цветной сафьян или в атлас.
Такой бы девушке сидеть
В карете, обогнавшей нас!

Бежит ручей ее кудрей
Льняными кольцами на грудь.
А блеск очей во тьме ночей
Пловцам указывал бы путь.

Красавиц всех затмит она,
Хотя ее не знает свет.
Она достойна и скромна.
Ее милее в мире нет.

В полях, под снегом и дождем,
Мой милый друг,
Мой бедный друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних вьюг,
От зимних вьюг.

А если му́ка суждена
Тебе судьбой,
Тебе судьбой,
Готов я скорбь твою до дна
Делить с тобой,
Делить с тобой.

Пускай сойду я в мрачный дол,
Где ночь кругом,
Где тьма кругом, —
Во тьме я солнце бы нашел
С тобой вдвоем,
С тобой вдвоем.

И если б дали мне в удел
Весь шар земной,
Весь шар земной,
С каким бы счастьем я владел
Тобой одной,
Тобой одной.

ПРОЩАНИЕ

Кто доблестен, тот может ли страдать,
Или, вернее, замечать страдания?
Но если он умножит жизнь свою,
Включив другие дорогие жизни —
Судьбу любимой хрупкой красоты,
Судьбу детей беспомощных, чье счастье
Зависит от него, — увы, тогда
Почувствовать он должен неизбежно
Занозу, разрывающую сердце.
Его судьба испуганно заплачет...
Так и со мной случилось. Я погиб.

Томсон. Эдвард и Элеонора

Моя Шотландия, прощай!
Милей мне твой туманный край
    Садов богатых юга.
Прощай, родимая семья —
Сестра, и брат, и мать моя,
    И скорбная подруга!

С тоской тебя я обниму,
    Малютка дорогая.
Тебя я брату своему
    С надеждой поручаю.

И ты, мой
Любимый
Товарищ юных дней,
Участьем
В ненастье
Семью мою согрей!

А ты, подруга, не грусти.
Чтобы тебя и честь спасти,
Бегу я в край далекий.
Нужда стучится к нам во двор,
Грозят нам голод, и позор,
И суд молвы жестокий.

Друзья, на дальнем берегу
В томительном изгнанье
Я благодарно сберегу
О вас воспоминанье.

Грохочет,
Пророчит
Бушующий простор:
Мне крова
Родного
Не видеть с этих пор!

К ПОРТРЕТУ РОБЕРТА ФЕРГЮССОНА,
ШОТЛАНДСКОГО ПОЭТА

Проклятье тем, кто, наслаждаясь песней,
Дал с голоду поэту умереть.
О старший брат мой по судьбе суровой,
Намного старший по служенью музам,
Я горько плачу, вспомнив твой удел.

Зачем певец, лишенный в жизни места,
Так чувствует всю прелесть этой жизни?

О ПАМЯТНИКЕ,
ВОЗДВИГНУТОМ БЕРНСОМ НА МОГИЛЕ
ПОЭТА РОБЕРТА ФЕРГЮССОНА

Ни урны, ни торжественного слова,
Ни статуи в его ограде нет.
Лишь голый камень говорит сурово:
— Шотландия! Под камнем — твой поэт!

Будь проклят, дьявольский листок!
Ты был всегда ко мне жесток.
Ты разлучил меня с подружкой
И за столом обносишь кружкой.
Ты обрекаешь честный люд
На голод, рабство, тяжкий труд
И шлешь искать земли и крова
Вдали от берега родного.

Не раз я видел, как злодей
Над жертвой тешился своей.
Давным-давно единым махом
Я гордеца смешал бы с прахом,
И только твой надежный щит
Его от мщения хранит.
А без тебя, нуждой гонимый,
Я покидаю край родимый.

Всю землю тьмой заволокло.
Но и без солнца нам светло.
Пивная кружка нам — луна,
А солнце — чарочка вина.

Готовь нам счет, хозяйка,
Хозяйка, хозяйка!
Стаканы сосчитай-ка
И дай еще вина!

Богатым — праздник целый год.
В труде, в нужде живет народ.
Но здесь равны и знать и голь:
Кто пьян, тот сам себе король!

Неси нам счет, хозяйка,
Хозяйка, хозяйка!
Стаканы сосчитай-ка
И дай еще вина!

Святой источник — мой стакан:
Он лечит от сердечных ран.
Ловлю я радости в вине,
Но лучшие живут на дне!

Давай нам счет, хозяйка,
Хозяйка, хозяйка!
Стаканы сосчитай-ка
И дай еще вина!

ВЕСЕЛЫЕ НИЩИЕ

Кантата

Когда, бесцветна и мертва,
Летит последняя листва,
Опалена зимой,
И новорожденный мороз
Кусает тех, кто гол и бос,
И гонит их домой, —

В такие дни толпа бродяг
Перед зарей вечерней
Отдаст лохмотья за очаг
В какой-нибудь таверне.

За кружками
С подружками
Они пред очагом
Горланят,
Барабанят,
И все дрожит кругом.

В мундире, сшитом из заплат,
У очага сидел солдат
В ремнях, с походным ранцем.

Пред ним любовница была,
От хмеля, ласки и тепла
Пылавшая румянцем.

• Не помня горя и забот,
Ласкал он побирушку,
А та к нему тянула рот,
Как нищенскую кружку.

И чокались
И чмокались
Сто раз они подряд,
Пока хмельную песню
Не затянул солдат.

ПЕСНЯ

Я воспитан был в строю, а испытан я в бою,
Украшает грудь мою много ран.
Этот шрам получен в драке, а другой в лихой атаке
В ночь, когда гремел во мраке барабан.

Я учиться начал рано — у Абрамова кургана.
В этой битве пал мой капитан.
И учился я не в школе, а в широком ратном поле,
Где кололи мы врагов под барабан.

Пусть я отдал за науку ногу правую и руку —
Вы узнаете по стуку мой чурбан.
Если в бой пойдет пехота под командой Элиота,
Я пойду на костылях под барабан!

Одноногий и убогий, я ночую у дороги
В дождь и стужу, в бурю и туман.
Но при мне мой ранец, фляжка, а со мной моя
милашка,
Как в те дни, когда я шел под барабан.

Пусть башка моя седа, амуниция худа
И постелью служит мне бурьян, —
Выпью кружку и другую, поцелую дорогую
И пойду на всех чертей под барабан!

РЕЧИТАТИВ

Солдат умолк. И грянул хор,
И дрогнул потолок.
Две крысы, выглянув из нор,
Пустились наутек.

Скрипач бродячий крикнул: «Бис!
Ты спой еще разок!»
Но заглушил его и крыс
Осипший голосок.

ПЕСНЯ

Девицей была я, — не помню когда, —
И люблю молодежь, хоть не так молода.
Мать в драгунском полку погостила когда-то.
Оттого-то я жить не могу без солдата!

Был первый мой друг весельчак и буян.
Он только и знал, что стучал в барабан.
Парень был он лихой, крепконогий, усатый.
Что таить!.. Я влюбилась в красавца солдата.

Соблазнил меня добрый седой капеллан
На стихарь променять полковой барабан.
Он душой рисковал, — в том любовь виновата, —
Я же телом своим. И ушла от солдата.

Но не весело жить со святым стариком.
Скоро стал моим мужем весь полк целиком —
От трубы до капрала, известного хвата.
Приласкать я готова любого солдата.

После мира пошла я с клюкой и сумой.
Мой дружок отставной повстречался со мной.
Тот же красный мундир — на заплате заплата.
То-то рада была я увидеть солдата!

Хоть живу я на свете бог весть как давно,
Вместе с вами пою, попиваю вино.
И пока моя кружка в ладонях зажата,
Буду пить за тебя, мой герой, — за солдата!

РЕЧИТАТИВ

В углу сидел базарный шут.
К соседке воспылав любовью,
Не разбирал он, что поют,
И только пил ее здоровье.

Но вот, разгорячен вином
Или соседкой разогретый,
Поставив кружку кверху дном,
Он прохрипел свои куплеты.

ПЕСНЯ

Мудрец от похмелья глупеет, а плут
Шутом выступает на сессии.
Но разве сравнится неопытный шут
Со мной — дураком по профессии!

Мне бабушка в детстве купила букварь.
Учился я грамоте в школах,
И все ж дураком я остался, как встарь,
Ведь олух — до старости олух.

Вино из бочонка тянул я взасос,
Гонял за соседскою дочкой.
Но сам я подросток — и бочонок подросток
И стал здоровенною бочкой!

За пьянство меня среди белого дня
Связали и ввергли в темницу,
А в церкви за то осудили меня,
Что я опрокинул девицу.

Я — клоун бродячий, жонглер, акробат,
Умею плясать на канате,
Но в Лондоне есть у меня, говорят,
Счастливый соперник в палате!

А наш проповедник! Какую подчас
С амвона он корчит гримасу!
Клянусь вам, он хлеб отбивает у нас,
Хотя облачается в рясу.

Недаром ношу я дурацкий колпак —
Меня он и кормит и поит.
А кто для себя — и бесплатно — дурак,
Тот очень немного стóит!..

РЕЧИТАТИВ

Дурак умолк. За ним вослед
Особа встала средних лет,
С могучим станом, грозной грудью.
Ее не раз судили судьи
За то, что ловко на крючок
Она ловила кошелек,
Кольцо, платок и что придется.
Народ топил ее в колодце.
Но утопить никак не мог, —
Сам сатана ее берег.

В былые дни — во время оно —
Она любила горца Джона.
И вот запела про него,
Про Джона, горца своего.

ПЕСНЯ

Мой Джон — дитя шотландских скал —
Закон долины презирал.
Но как любил родимый склон
Мой славный горец, статный Джон.

Споем, подружки, про него,
Поднимем кружки за него.
Нет среди горцев никого
Отважней Джона моего!

Он был как щеголь разодет —
Берет с пером и пестрый плед.
С ума сводил шотландских жен
Мой статный горец, храбрый Джон.

От речки Твид до речки Спей
С ватагой буйною своей
Мы кочевали — я и он,
Мой верный друг, мой статный Джон.

Но присудил его судья
К изгнанию в дальние края.
Зазеленел весною клен, —
И вновь ко мне вернулся Джон.

В тюрьму попал он с корабля.
Там обняла его петля...
Будь проклят тот, кем осужден
Мой статный горец, храбрый Джон!

И вот осталась я одна
И допиваю жизнь до дна.
Но пусть шотландских кружек звон
Тебе приветом будет, Джон...

Слоем, подружки, про него,
Поднимем кружки за него.
Нет среди горцев никого
Отважней Джона моего!

— За Джона! — гаркнул пьяный хор. —
Он был красой Шотландских гор!..

РЕЧИТАТИВ

Был в кабачке скрипач поджарый.
Пленился он воровкой старой,
Но был так мал,
Что лишь бедро ее крутое,
Как решето, одной рукою
Он обнимал.

Развеселить желая даму,
Прорепетировал он гамму
Разок-другой.
Потом, наполнив кружку пивом,
Запел он голосом пискливым
Мотив такой.

ПЕСНЯ

Позволь слезу твою смахнуть,
Моей возлюбленной будь
И все прошедшее забудь.
Плевать на остальное!

Житье на свете скрипачу —
Иду-бреду, куда хочу,
Так не живется богачу.
Плевать на остальное.

Где дочку замуж выдают,
Где после жатвы пиво пьют, —
Для нас всегда готов приют.
Плевать на остальное!

Мы будем корки грызть вдвоем,
А спать на травке над ручьем,
И на досуге мы споем:
«Плевать на остальное!»

Пока растет на свете рожь
И любит пляску молодежь, —
Со мной безбедно проживешь.
Плевать на остальное!

РЕЧИТАТИВ

Пока скрипач бродячий пел,
Сжигаемый любовью, —
Лудильщик удалой успел
Пленить сердечко вдове.

Схватил за ворот скрипача
Его соперник бравый
И уж готов был сгоряча
Пронзить рапирой ржавой.

Скрипач мышонком запищал,
Склонил пред ним колени
И отказаться обещал
От всех поползновений...

Но все ж, прикрыв лицо полой,
Смеялся он притворно,
Когда лудильщик удалой,
Хлебнув, запел задорно.

ПЕСНЯ

Я, ваша честь,
Паяю жесть.
Лудильщик я и медник.
Хожу пешком
Из дома в дом.
На мне прожжен передник.

Я был в войсках.
С ружьем в руках
Стоял на карауле.
Теперь опять
Иду паять,
Чинить, паять
Кастрюли!

Вот этот хлыщ
Душою нищ,
Твой прежний собеседник.
Любовь моя,
Бери в мужья
Того, на ком передник.

Любовь моя,
Лудильщик я
И круглый год в дороге.
Авось вдвоем
Мы проживем
Без горя и тревоги!

В ответ на нежные слова,
Нимало не краснея,
С похмелья бросилась вдова
Лудильщику на шею.

Скрипач им больше не мешал,
И, потрясен их страстью,
Он только поднял свой бокал
И пожелал им счастья
На эту ночь!

Но бес опять его увлек:
Подсев к другой соседке,
Ее позвал он в уголок,
Где куры спали в клетке.

Ее супруг — по ремеслу
Поэт, певец натуры —
Застиг их вовремя в углу
И не дал строить куры
Им в эту ночь!

Был неказист и хромоног
Поэт, певец бродячий.
И хоть по внешности убог,
Но сердцем всех богаче.

Он жил на свете не спеша,
Умел любить веселье,
А пел он, что поет душа...
И вот что спел с похмелья
Он в эту ночь.

ПЕСНЯ

Я — лишь поэт. Не ценит свет
Моей струны веселой.
Но мне пример — слепой Гомер.
За нами вьются пчелы.

И то сказать,
И так сказать,
И даже больше вдвое.
Одна уйдет, женюсь опять.
Жена всегда со мною.

Я не был у Кастанальских вод,
Не видел муз воочию,
Но здесь из бочки пена бьет —
И все такое прочее!

Я пью за круг моих подруг,
Служу им дни и ночи я.
Порочить плоть, что дал господь, —
Великий грех и прочее!

Одну люблю и с ней делю
Постель, и хмель, и прочее,
А много ль дней мы будем с ней,
Об этом не пророчу я.

За женский пол! Вино на стол!
Сегодня всех я потчую.
За нежный пол, лукавый пол
И все такое прочее!..

РЕЧИТАТИВ

Поэт окончил — и кругом
Рукоплесканий грянул гром,
И каждый нёс на бочку

Всё, что отдать хозяйке мог, —
Медяк, запряганный в сапог,
Тряпье последнее в залог,
Последнюю сорочку.

Друзья до риз перепились,
Плясали до упаду
И у поэта принялись
Просить еще балладу.

Поэт сидел меж двух подруг
У винного бочонка,
И, оглядев веселый круг,
Запел он песню звонко.

ПЕСНЯ

В эту ночь сердца и кружки
До краев у нас полны.
Здесь, на дружеской пирушке,
Все пьяны и все равны!

К черту тех, кого законы
От народа берегут.
Тюрьмы — трусам оборона,
Церкви — ханжеству приют.

Что в деньгах и прочем вздоре!
Кто стремится к ним — дурак.
Жить в любви, не зная горя,
Безразлично где и как!

Песней гоним мы печали,
Шуткой красим свой досуг,
И в пути на сеновале
Обнимаем мы подруг.

Вам, милорд, в своей коляске
Нас, бродяг, не обогнать,
И такой не знает ласки
Ваша брачная кровать.

Жизнь — в движенье бесконечном:
Радость — горе, тьма и свет.
Репутации беречь нам
Не приходится — их нет!

Напоследок с песней громкой
Эту кружку подыму
За дорожную котомку,
За походную суму!

Ты, огонь в сердцах и в чашах,
Никогда нас не покинь.
Пьем за вас, подружек наших.
Будьте счастливы. Аминь!

БЕСПУТНЫЙ, БУЙНЫЙ ВИЛЛИ

Беспутный, буйный Вилли
Поехал на базар.
Продать хотел он скрипку,
Купить другой товар.

Но, скрипку продавая,
Заплакал он над ней.
Беспутный, буйный Вилли,
Вернись домой скорей!

— Продай свою скрипку, Вилли.
Продай и смычок, старина.
Продай свою скрипку, Вилли,
И выставь нам пинту вина.

— Ах, если бы продал я скрипку,
Безумным меня бы сочли.
Не раз мы счастливое время
Со скрипкой моей провели!

Вот еду через город,
Гляжу — трактир открыт.
Беспутный, буйный Вилли
За стойкою сидит.

Сидит за стойкой Вилли
В компании друзей.
Беспутный, буйный Вилли,
Вернись ко мне скорей!

Вот старый Роб Моррис. А кто он таков?
Король за столом, старшина стариков.
Он славится стадом коров и свиней
И дочкой — отрадой своей и моей.

Прекрасней, чем утро в сиянии рос,
Свежей, чем закат на лугах в сенокос,
Она, как ягненок, резва и нежна.
Мне света дневного дороже она.

Но садом и стадом отец ее горд.
В усадьбе живет он не хуже, чем лорд.
У нас же с отцом только домик и двор.
Немногого стóит такой ухажер.

Забрезжит ли утро, — не мил мне рассвет.
Настанет ли вечер, — покоя мне нет.
Смертельную рану от всех я таю,
И жалобы грудь разрывают мою.

Была бы невеста чуть-чуть победней,
Я мог бы, пожалуй, посвататься к ней.
Как жадно я ждал бы заветного дня.
А жить без надежды нет сил у меня!

ПЕСНЯ

Как слепы и суровы
Порой отец и мать,
Что дочь свою готовы
Богатому продать.

И дочь, гонимая отцом,
Изнурена борьбой,
Должна покинуть отчий дом
И стать женой-рабой.

Так сокол над голубкой
Без устали кружит.
Своей добычи хрупкой
Злодей не пощадит.

Бедняжка мечется, пока,
Отчаянья полна,
К ногам жестокого стрелка
Не бросится она.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Он меня поцеловал
И ушел по склонам гор.
На уступы серых скал
Все гляжу я с этих пор.

Пощади его в пути,
Дробный дождь, трескучий град.
Горных троп не замети
На вершинах, снегопад!

В бледном сумраке ночном
Не кружись, метель, над ним —
Пусть он спит спокойным сном
И проснется невредим.

Пусть меня он назовет
И в долину кинет взгляд.
Путь ведет его вперед,
А любовь зовет назад.

ЛОРД ГРЕГОРИ

(Баллада)

Полночный час угрюм и тих.
Лишь гром гремит порой.
Я у дверей стою твоих.
Лорд Грегори, открой.

Я не могу вернуться вновь
Домой, к семье своей,
И если спит в тебе любовь,
Меня хоть пожалей.

Припомни лес на склоне гор,
Где волю я дала
Любви, с которой долгий спор
В душе своей вела.

Ты небом клялся мне не раз,
Что будешь ты моим,
Что договор, связавший нас,
Навеки нерушим.

Но тот не помнит прежних дней,
Чье сердце из кремня.
Так пусть же у твоих дверей
Гроза убьет меня!

О небо, смерть мне подари.
Я вечным сном усну
У двери лорда Грегори,
Простив его вину.

Роскошен, леди, ваш убор,
Шелками вышит ваш узор,
А Дженни в юбочке простой
И без шелков пленяет взор.

Милорд спешит в поля, в леса,
Не взяв ни сокола, ни пса.
Не лань он ищет день и ночь,
А Дженни, фермерскую дочь.

Миледи так нежна, бела,
Но не она ему мила,
Не знатный род ее, не честь,
А то, что дал за нею тесть.

Где перепелка меж болот
Сквозь вереск выводок ведет,
Там девушка живет в тиши,
Цветок, раскрывшийся в глуши.

Две стройных ножки поутру
Скользят по мшистому ковру,
И смех играет, как алмаз,
В зрачках задорных синих глаз.

Осанка леди и наряд —
Образчик вкуса, говорят.
Но та сулит нам рой утех,
Кого мы любим больше всех.

ГДЕ К МОРЮ КАТИТСЯ РЕКА

Где к морю катится река,
Быстра, бурлива и звонка,
Там я встречала паренька,
Веселого ткача.

Семь жёнихов из-за реки
Пришли просить моей руки.
Не рвать же сердце на куски, —
Отдам его ткачу!

Меня бранят отец и мать,
Им по душе богатый зять.
Они велят мне отказать
Веселому ткачу.

Отец мой жаден и упрям,
Грозит: «Приданого не дам!»
Но к сердцу руку я придам —
И всё отдам ткачу.

Пока вода в реке бежит,
Пока пчела в цветке жужжит
И рожь под ливнями дрожит,
Любовь моя — ткачу!

Стакан вина и честный друг.
Чего ж еще нам, братцы?
Пускай забота и недуг
В грядущей тьме таятся,

Мы ловим радости в пути, —
Пугливо наше счастье.
Оно исчезнет — и найти
Его не в нашей власти.

ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР

Из всех ветров, какие есть,
Мне западный милей.
Он о тебе приносит весть,
О девушке моей.

Леса шумят, ручьи журчат
В тиши твоих долин.
И, как ручьи, мечты мои
К тебе стремятся, Джин.

Тебя напоминает мне
В полях цветов любой.
И лес в вечерней тишине
Заворожен тобой.

Бубенчик ландыша в росе,
Да и не он один,
А все цветы и птицы все
Поют о милой Джин.

На Клайд-реке богат, хорош
У девушек наряд,
Но лучше Джинни ты найдешь
Красавицу навряд.

Девиц мы знаем городских,
Одетых в шелк, муслин.
Но всех прекрасней щеголих
В холщовом платье Джин.

Она милей и веселей
Ягненка на лугу.
И никаких грехов за ней
Признать я не могу.

Ее глаза яснее дня,
А грех ее один:
С такою щедростью меня
Дарит любовью Джин!

О ветер западный, повеи,
Зашелести листвою.
Пусть нагруженная с полей
Летит пчела домой.

Мою любовь ко мне верни
С холмов твоих, равнин.
Улыбкой пасмурные дни
Мне озаряет Джин.

Какие клятвы без числа
Соединили нас,
Как нам разлука тяжела
Была в рассветный час!

Кто знает души всех людей
До самых их глубин, —
Тот видит, что всего милей
Мне в этом мире Джин!

Был день воскресный так хорош.
Все было лету радо.
Я шел в поля взглянуть на рожь
И подышать прохладой.

Большое солнце в этот миг
Вставало, как с постели.
Резвились зайцы — прыг да прыг, —
И жаворонки пели
    В тот ясный день.

Бродил я, радостью дыша
И вглядываясь в дали,
Как вдруг три женщины, спеша,
Мне путь перебежали.

На двух был черный шерстяной
Наряд — назло природе.
На третьей был наряд цветной
По моде, по погоде
    В тот летний день.

Две первых были меж собой,
Как близнецы, похожи
Унылым видом, худобой
И мрачною одежей.

А третья козочкой шальной
Попрыгивала весело
И вдруг присела предо мной
И мне поклон отвесила
    В тот яркий день.

Я шляпу снял и произнес:
— Я вас припоминаю,
Но извините за вопрос, —
Как звать вас, я не знаю.

С кивком задорной головы,
Смеясь, она сказала:
— Со мною заповедей вы
Нарушили немало
    В досужий день!

Я — ваша Радость, я — Игра,
А это — Лицемерье,
И рядом с ней — ее сестра,
Глухое Суеверье.

Давайте в Мохлин мы пойдем
И, если две сестрицы
Идут на ярмарку, найдем
Предлог повеселиться
    Мы в этот день.

— Нет, я пойду сперва домой
И праздничную смену —
Сюртук и новый галстук мой —
Для ярмарки надену.

4. Поспел я к завтраку как раз,
Надел костюм воскресный.
А уж на праздник в этот час
Спешил народ окрестный
В тот шумный день.

Трусилы фермеры верхом,
Шли батраки оравой.
И молодежь одним прыжком
Брала в пути канавы.

Бежали в праздничных шелках
Девицы-босоножки,
Несли сыры они в руках
И сдобные лепешки
В тот добрый день.

Монетку бросить был я рад
В тарелку с медью мелкою,
Но, уловив святоши взгляд,
Бросаю две в тарелку я.

Я в загородку заглянул.
Народ шумит, хлопочет,
Несет скамейку, доску, стул,
А кто и лясы точит
В свободный день.

Для знати выстроен навес
(Изменчива погода!).
А вот стоит вертушка Джесс,
Мигая всем у входа.

Ее подружки сели в ряд, —
Без них какая ярмарка!
А там ткачи сидят, галдят

(Из города Кильмáрнока).
Пришел их день!

Здесь кто вздыхает о грехах,
Кто в гневе шлет проклятья
Тем, кто измазал впопыхах
Их праздничные платья.

Кто сверху смотрит на других
Высокомерным взглядом,
А кто веселых щеголих
Зовет усестыся рядом
В привольный день.

Но бесконечно счастлив тот,
Кто, отыскав два места,
Местечко рядышком займет
С подругой иль невестой.

Глядишь, рука его легла
За ней — на спинку стула,
Потом ей шею обняла,
А там на грудь скользнула
В тот чудный день.

Уселась публика и ждет.
Ни суеты, ни шума.
Вот Моди речь держать идет,
Унылый и угрюмый.

Он целый час пугает нас
Десницею господнею.
Сам дьявол от его гримас
Сбежал бы в преисподнюю
В столь грозный день.

Толкуя нам один, другой
И третий тезис веры,
Он гневно топает ногой;
Волнуясь свыше меры.

Распутника и гордеца
Громит курносый пастырь
И жжет отступников сердца,
Как самый жгучий пластырь,
В тот страшный день.

Но вот встают сердито с мест
Земные наши судьи.
И впрямь, — кому не надоест
Такое словоблудье!

Речь произносит мистер Смит,
Но люд благочестивый,
Уже не слушая, спешит
К холодным бочкам пива
В столь жаркий день...

Жена верна мне одному,
И сам я верен ей за то.
Не ставлю рожек никому,
И мне не ставит их никто.

Своим трудом я нажил грош,
И сам истрачу я его.
Что́ у меня взаймы возьмешь?
И я не брал ни у кого.

Я не хозяин никому,
И никому я не слуга.
А если в руки меч возьму,
Я отобью удар врага.

Так и живу день изо дня,
Тоской, заботой не томим.
Другим нет дела до меня,
И я не кланяюсь другим.

ЗИМА ПРОНЕСЛАСЬ

Зима пронеслась, и весна началась,
И птицы, на дереве каждом звеня,
Поют о весне, но невесело мне
С тех пор, как любовь разлюбила меня.

Шиповник расцвел для проснувшихся пчел.
Поют коноплянки в честь вешнего дня.
Их в гнездышке двое, сердца их в покое.
Моя же любовь разлюбила меня.

Был я рад, когда гребень вытачивал,
Был я рад, когда ложку долбил
И когда по котлу поколачивал,
А потом свою Кэтти любил.

И, бывало, под стук молоточка
Целый день я свищу и пою.
А едва только спустится ночка,
Обнимаю подругу мою.

Бес велел мне на Бэсси жениться,
Погубившей веселье мое...
Пусть всегда будет счастлива птица,
Что щебечет над прахом ее!

Ты вернись ко мне, милая Кэтти.
Буду волен и весел я вновь.
Что милей человеку на свете,
Чем свобода, покой и любовь?

НЭНСИ

— Муженек, не спорь со мной,
Не сердись напрасно,
Стала я твоей женой —
Не рабой безгласной!

— Признаю права твои,
Нэнси, Нэнси,
Ну, а кто ж глава семьи,
Дорогая Нэнси?

— Если ты мой властелин,
Подыму восстанье.
Будешь властвовать один, —
С тем и до свиданья!

— Жаль расстаться мне с тобой,
Нэнси, Нэнси,
Но смирюсь я пред судьбой,
Дорогая Нэнси!

— Погоди, дождешься дня:
Лягу я в могилу.
Но, оставшись без меня,
Что ты скажешь, милый?

— Небо в помощь призову,
Нэнси, Нэнси,
И авось переживу,
Дорогая Нэнси!

— Но и мертвая не дам
Я тебе покоя.
Страшный призрак по ночам
Будет пред тобою!

— Я жену себе найду
Вроде Нэнси, Нэнси —
И все призраки в аду
Затрепещут, Нэнси!

Иные книги лгут нам сплошь.
А есть неписаная ложь.
Ты и священников найдешь,
    Что правду божью,
Впадая от восторга в дрожь,
    Мешают с ложью.

Но в том, о чем я речь веду,
От правды я не отойду,
Как в том, что черт живет в аду
    Иль в недрах Дублина.
(Ах, много — людям на беду —
    Им душ загублено!)

Хлебнул я браги вечерком,
Но не был пьян, а под хмельком.
Я обходил, бредя пешком,
    Бугры, канавы
И знал, что куст манит кивком,
    А не лукавый.

Холмистый Кáмнок я узнал,
Едва лишь месяц заблистал.

Его рога считать я стал,
Шагая шире.
Сначала три я насчитал,
Потом — четыре...

Вослед за верным посошком
По склону я трусил шажком —
Мне путь был издавна знаком
К запруде Вилли.
Но вдруг, сорвавшись, я бегом
Бежал полмили.

Тут нечто предо мной предстало
С косою острою, чье жало
С плеча костлявого свисало,
И с острогой,
Что сталью под луной сверкала,
В руке другой.

С косою сажень вышиною
Оно стояло предо мною,
Без брюха, страшное, худое,
Горбом спина,
А что за ноги! Тоньше вдвое
Веретена.

Спросил я: — Друг! Узнать нельзя ли,
Должно быть, вы сегодня жали?
А мы ведь только сеять стали.
Я с вами рад
Вернуться в дом, где выпивали
Мы час наза́д!

— Я — Смерть! — чудовище сказало. —
Но ты пока не бойся, малый!..

— Я не боюсь, хоть ты, пожалуй,
Меня убьешь.
Но я прошу: взгляни сначала
На этот нож!

Смерть отвечала мне: — Сынок,
Ты спрячь подальше свой клинок.
Подумай сам, какой в нем прок.
Его удары
Страшны не больше, чем плевков,
Для Смерти старой!

— Что ж, уговор — так уговор! —
Сказал я. — Бросим этот спор.
Присядь со мной на косогор —
Ведь ты устала —
И расскажи, что с давних пор
Перевидала.

— О да! — сказала Смерть, садясь, —
Почти что вечность пронеслась
С тех пор, как жать я принялась
По воле божьей.
Всем в мире надо жить, трудясь.
И Смерти — тоже.

Но у меня не жизнь, а мұка.
Ты слышал имя Горнбука?
Уж так хитра его наука,
Что стар и млад —
От деда дряхлого до внука —
Меня стыдят.

Бывало, под косою длинной,
Подобно травам луговины,

Народ, не знавший медицины,
    Ложится сплошь...
Теперь меня с косою старинной
    Не ставят в грош!

Вчера я жертву поразила
Своим копьем — с такою силой,
Что семерых бы уложила,
    Пронзив, как гвоздь,
Но острие лишь притупила,
    Задев о кость.

Что это, думаю, за штука?
А это — дело Горнбука!
Тут помогла его наука
    Или искусство:
Копье в ребро вошло без стука —
    Как бы в капусту.

Больной остался бы калекой,
Не помоги ему аптекой
Или ланцетом лысый лекарь —
    Ваш Горнбук.
Не раз он вырвал человека
    Из цепких рук.

Он изгонял из тех заразу,
Кого и не видал ни разу,
Натужься по его приказу,
    Заклей пакет,
А он понюхает и сразу
    Пришлет ответ.

Есть у него, как в магазине,
Все то, что нужно медицине:

Набор ножей, spiritus vini¹,
Касторка, йод.
Он все лекарства по-латыни
Вам назовет.

Есть sal magnum — соль морская, —
Все кальции, какие знаю...
А разных трав любого края
Не перечесть.
И aqua (иль вода простая)
Там тоже есть.

Есть и опилки, срезы, крошки
Клешни клеща, блошиной ножки
И усиков какой-то мошки,
Яд комара,
Настой желез сороконожки
Et cetera...²

Тут я воскликнул: — Бедный Джон!
Какой доход теряет он!
Коль вправду будет побежден
Любой недуг,
Кладбищенский зеленый склон
Изрежет плуг.

Смерть засмеялась: — Нет, не плуг
Изрежет этот мирный луг,
Которым твой владеет друг,
А сто лопат
Все ваши кладбища вокруг
Избороздят.

---

¹ Винный спирт (лат.).

² И так далее (лат.).

Где одного так любо-мило
В постели жизни я лишила,
Пустила кровь иль придушила
    Без долгих мук, —
Там двадцать душ загнал в могилу
    Ваш Горнбук.

Наш местный ткач — хороший малый —
Свою жену, что бредить стала,
Когда немножко захворала,
    Отвез к врачу,
И больше слова не сказала
    Она ткачу...

У парня заболел отец —
Богатый лэрд, и молодец
Послал отборных двух овец
    Врачу за средство,
Что принесет отцу конец,
    Ему — наследство.

Должно быть, от ночной простуды
Одной девчонке стало худо.
Врач сотворил над нею чудо:
    Его совет
Туда послал ее, откуда
    Возврата нет!

Таков у лекаря обычай.
За грош, не ведая приличий,
Морит людей он без различья
    День изо дня
И норовит моей добычи
    Лишить меня.

Пока терплю я поневоле.
Но разве он бессмертен, что ли?

Не избежит он общей доли.

Придет каюк —

И будет мертв, как сельдь в рассоле,

Ваш Горнбук!..

Еще бы Смерть сказала много,

Но вдруг, наполнив мир тревогой,

Часы пробили полночь строго

Из-за ветвей...

И я побрел своей дорогой,

А Смерть — своей.

Дружок мой пленен моим взором и станом,
Ему полюбились мой дом и родня.
Но, кажется, больше прельщен он приданым
И любит червонцы нежней, чем меня.

За яблочко яблоню любит мой милый,
Пчелу свою любит за будущий мед.
И так серебро его душу пленило,
Что в сердце местечка он мне не найдет.

Ему дорога не жена, а приплата.
Любовь для него — не любовь, а базар.
Хитер он, — и я уж не так простовата:
Пускай он попроще присмотрит товар!

Побегов не жди от прогнившего корня,
Зеленых ветвей — от сухого ствола.
Такая любовь ускользает проворней,
Чем тонкая, скользкая нить без узла!

НЕВЕСТА С ПРИДАНЫМ

Я пью за невесту с приданым,
Я пью за невесту с приданым,
Я пью за невесту с приданым,
С горой золотых для меня!

Долой красоты колдовское заклятье!
Не тоненький стан заключу я в объятия, —
Нужна необъятная мне красота:
Хорошая ферма и много скота.

Красивый цветок обольстит и обманет,
Чем раньше цветет, тем скорее увянет,
А белые волны пасущихся стад
И прибыль приносят и радуют взгляд.

Любовь нам порою сулит наслажденье,
А вслед за победой идет охлажденье.
Но будят в душе неизменный восторг
Кружки, на которых оттиснут Георг.

Брела я вечером пешком
И повстречалась с пареньком.
Меня укутал он платком,
    Назвал своею милой.

Гнал он коз
Под откос.
Где лиловый вереск рос,
Где ручей прохладу нес, —
Стадо гнал мой милый.

— Пойдем по берегу со мной.
Там листья шепчутся с волной.
В шатер орешника сквозной
    Луна глядит украдкой.

— Благодарю за твой привет,
Но у меня охоты нет
Платить слезами долгих лет
    За этот вечер краткий!

— Нет, будешь ты ходить в шелках,
В нарядных, легких башмачках.
Тебя я буду на руках
    Носить, когда устанешь.

— Ну, если так, тогда пойдем
С тобой по берегу вдвоем,
И я надеюсь, что потом
    Меня ты не обманешь.

Но он ответил мне: — Пока
Растет трава, течет река
И ветер гонит облака,
    Моей ты будешь милой!

Гнал он коз
Под откос.
Где лиловый вереск рос,
Где ручей прохладу нес, —
Стадо гнал мой милый.

О Тибби, ты была горда
И важный свой поклон
Тем не дарила никогда,
Кто в бедности рожден.

Вчера же, встретившись со мной,
Ты чуть кивнула головой.
Но мне на черта нужен твой
Презрительный поклон!

Ты думала наверняка
Пленить мгновенно бедняка,
Прельщая звоном кошелька...
На что мне этот звон!

Пускай меня гнетет нужда,
Но я сгорел бы со стыда,
Когда тобой, что так горда,
Я был бы побежден.

Как ни остер будь паренек,
Ты думаешь, — какой в нем прок,
Коль желтой грязью кошелек
Набить не может он!

Зато тебе по нраву тот,
Кто состоятельным слывет,
Хотя и вежлив он, как скот,
И столько же умен.

Скажу я прямо, не греша,
Что ты не стоишь ни гроша,
А тем достатком хороша,
Что дома припасен.

С одной я девушкой знаком.
Ее и в платьице простом
Я не отдам за весь твой дом,
Сули хоть миллион!

СВАДЬБА В ГОРОДКЕ МÓХЛИН

Когда был месяцев семи
Год восемьдесят пятый
И ливни спорили с людьми
За урожай несжатый, —

В то время мистер Так и Так
Отправился к невесте,
Чтобы отпраздновать свой брак
С ней и с деньгами тестя
    В столь мокрый день.

Чуть солнце глянуло с небес
Сквозь полосу тумана,
Проснулась Нэлл, вскочила Бэсс,
Хоть было очень рано.

Утюг шипит, комод скрипит,
Мелькает ворох кружев...
Но Муза скромность оскорбит,
Их тайны обнаружив
    В столь важный день.

Но вот — природе вопреки —
Стянули их корсеты,
И очень длинные чулки
На ножки их надеты.

Осталось — это не секрет —
Им застегнуть подвязки.
А впрочем, и такой предмет
Не подлежит огласке
    В столь строгий день.

Шелка упругие, шурша,
Едва дают дышать им.
И все же могут, не греша,
Они гордиться платьем.

Легко их в талии сломать,
Шумят их шлейфы сзади.
Что Ева-мать могла б сказать,
На пышный зад их глядя
    В воскресный день?

Вот в куртке праздничной, с хлыстом —
«Гей-го!» — подъехал Санди.
И Нэлл и Бэсс покинуть дом
Спешат, как по команде.

А вот Джон Трот — лихой старик.
Толст, как судья наш местный,
Он маслит, пудрит свой парик —
Да и сюртук воскресный
    В столь славный день...¹

---

¹ Это стихотворение так и осталось у автора незаконченным (прим. переводчика).

Весной ко мне сватался парень один.
Твердил он: — Безмерно люблю, мол. —
А я говорю: — Ненавижу мужчин! —
И впрямь ненавижу, он думал...
Вот дурень, что так он подумал!

Сказал он, что ранен огнем моих глаз,
Что смерть его силы подточит.
А я говорю: пусть умрет хоть сейчас,
Умрет за кого только хочет,
За Джинни умрет, если хочет.

Усадьбу, где полный хозяин он сам,
И свадьбу — хоть завтра — сулил он.
Но думаю: виду ему не подам,
Что дурочку сразу прельстил он,
Усадьбой и свадьбой прельстил он.

И что бы вы думали? Вдруг он исчез.
А вскоре нашел он дорожку
К моей же сестрице двоюродной — Бэсс.
Терпеть не могу эту кошку,
Глухую, поджарую кошку!

Хоть зла я была, но пошла погулять
В Дальгáрнок — там день был базарный.
И вдруг предо мною явился опять,
Как призрак, дружок мой коварный,
Все тот же мой парень коварный.

Ответив негодному легким кивком,
Пройти поспешила я мимо.
Но он, ошалев, словно был под хмельком,
Назвал меня милой, любимой,
Своей дорогой и любимой.

А я между прочим вопрос задала,
Глуха ли, как прежде, сестрица
И где по ноге она обувь нашла...
О боже, как стал он браниться,
Как яростно стал он браниться!

Молил он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели парня спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна.
Хоть завтра венчаться согласна!

КУЗНЕЦУ

Устал в полете конь Пегас,
Скакун крылатый Феба,
И должен был на краткий час
Сойти на землю с неба.

Крылатый конь — плохой ходок!
Скользя по мерзлым склонам,
Он захромал и сбился с ног
Под богом Аполлоном.

Пришлось наезднику сойти
И жеребца хромого
К Вулкану в кузницу вести,
Чтоб заказать подковы.

Колпак и куртку снял кузнец,
Работая до пота.
И заплатил ему певец
Сонетом за работу.

Вулкан сегодняшнего дня,
Твой труд ценю я выше.
Не подкуешь ли мне коня
За пять четверостиший?

ОДА
ШОТЛАНДСКОМУ ПУДИНГУ «ХАГГИС»

В тебе я славлю командира
Всех пудингов горячих мира, —
Могучий Хаггис, полный жира
И требухи.
Строчу, пока мне служит лира,
Тебе стихи.

Дородный, плотный, крутобокий,
Ты высишься, как холм далекий,
А под тобой поднос широкий
Чуть не трещит.
Но как твои ласкают соки
Наш аппетит!

С полей вернувшись, землеробы,
Сойдясь вокруг твоей особы,
Тебя проворно режут, чтобы
Весь жар и пыл
Твоей дымящейся утробы
На миг не стыл.

Теперь доносится до слуха
Стук ложек, звякающих глухо.

Когда ж плотнее станет брюхо,
Чем барабан,
Старик, молясь, гудит, как муха,
От пищи пьян.

Кто обожает стол французский —
Рагу и всякие закуски
(Хотя от этакой нагрузки
И свиньям вред),
С презреньем щурит глаз свой узкий
На наш обед.

Но — бедный шут! — от пищи жалкой
Его нога не толще палки,
А вместо мускулов — мочалки,
Кулак — орех.
В бою, в горячей перепалке
Он сзади всех.

А тот, кому ты служишь пищей,
Согнет подкову в кулачище.
Когда ж в такой руке засвищет
Стальной клинок, —
Врага уносят на кладбище
Без рук, без ног.

Молю я Промысел небесный:
И в будний день и в день воскресный
Нам не давай похлебки пресной,
Яви нам благодать
И ниспошли родной, чудесный,
Горячий Хэггис!

ОВСЯНКА

Раз — овсянка,
Два — овсянка
И овсянка в третий раз.
А на лишнюю овсянку
Где мне взять крупы для вас?

Одиноким, неженатым
Не житье, а сущий рай.
А женился, так ребятам
Трижды в день овсянки дай.

Век живет со мной забота.
Не могу ее прогнать.
Чуть запрешь за ней ворота,
Тут как тут она опять.

Раз — овсянка,
Два — овсянка
И овсянка в третий раз.
А на лишнюю овсянку
Где мне взять крупы для вас?

ПОСЛАНИЕ ГАМИЛЬТОНУ

По поводу рождения у поэта близнецов

Рубцами хвалится боец —
Печатью молодечества.
Хвалу войне поет певец —
Проклятью человечества.

Велик не тот, кто сотню душ
Безвинных уничтожит.
Достоин чести скромный муж,
Что род людской умножит.

— Даны вам щедрые дары, —
Сказала нам природа, —
Но будьте столь же вы щедры
И множьтесь год от года.

Волью я в кровь струю огня,
Чтоб дружную четою
Вовеки жили у меня
Отвага с красотою!

Творец нехитрых этих строф
Был некий бард беспечный.
Он пел среди родных лугов
От радости сердечной.

В него влила природа-мать
Огня большую долю,
И не дерзал он нарушать
Родительницы волю.

Начертанный природой путь
Безропотно прошел он.
Нашел он родственную грудь,
Любви безмерной полон.

Он цвет любви берѐг весной
От яда и от града,
И щедрый урожай двойной
Поэту стал наградой.

Был в Сентябре вознагражден
Он за любовь и верность.
Ему подругой был рожден
Наследник — новый Бернс,

Чтоб нашу родину певец
Грядущих поколений
Воспел достойней, чем отец, —
Звучней и вдохновенней.

О гений мира и любви,
Тебя мы призываем:
Шотландский край благослови
Обильным урожаем.

Пусть крепнет древний наш народ
И славится по праву,
И Бернсов род из года в год
Поет народу славу!

ПЕСНЯ РАБА-НЕГРА

В милом знойном Сенегале
В плен враги меня забрали
И отправили сюда — за море синее.
И тоскую я вдали
От родной моей земли
На плантациях Виргинии — гинии.

На моем родимом юге
Не бывает зимней вьюги,
Ни морозов, ни снегов, ни инея.
Там шумят потоки вод
И цветы цветут весь год,
Неизвестные Виргинии — гинии.

Под ударами бича,
Иго рабское влача,
Провожу я дни в печали и унынии.
Горько вспомнить мне друзей
Вольной юности моей
На плантациях Виргинии — гинии!

Зачем терпеть в расцвете сил
Ярмо порабощенья?
К оружию, братья! Наступил
Великий час отмщенья.

Твердят: безгрешны короли,
А руки их кровавы.
Мы сами троны возвели.
Тряхнуть их — наше право!

Девизом каждый патриот
Смерть иль свободу изберет.

Пусть примет мученика чин
Епископ, саном гордый.
Для пэров хватит гильотин,
Для вас — подвязок, лорды.

Давно нас деспоты гнетут,
А судьи — их орудье.
Но и над вами будет суд,
Неправедные судьи.

Еще сегодня ваш денек.
Зато и наш не так далек!

Пусть золотой наступит век,
Былое в бездну канет,
И человеку человек
Навеки братом станет.

И нам покажет молодежь,
Достойная свободы,
Что человек везде хорош, —
Таков он от природы.

Мы всех зовем на братский пир,
И первый тост: — Свобода. Мир.

Якобиты на словах,
Вам пою, вам пою.
Якобиты на словах,
Вам пою.
Якобиты на словах,
Обличу я вас в грехах
И ученье ваше в прах
Разобью.

Что есть правда? Что есть ложь?
Где закон? Где закон?
Что есть правда? Что есть ложь?
Где закон?
Что есть правда? Что есть ложь?
Длинный меч ли изберешь
Иль короткий вырвешь нож
Из ножен?

Героической борьбой
Что назвать? Что назвать?
Героической борьбой
Что назвать?
Героической борьбой

Звать ли распри и разбой,
Где в отца готов любой
Нож вогнать?

Хватит происков, ей-ей!
В этот век, в этот век.
Хватит происков, ей-ей,
В этот век.
Хватит происков, ей-ей.
Без непрошенных друзей
Пусть идет к судьбе своей
Человек!

ОТРЫВОК

Прощай, синева, и листва, и трава,
И солнце над краем земли,
И милые дружбы, и узы родства.
Свой жизненный путь мы прошли.

Кто волею слаб, кто судьбы своей раб, —
Трепещет, почуяв конец.
Но гибели час, неизбежный для нас,
Не страшен для гордых сердец.

Мой горец — парень удалой,
Широкоплеч, высок, силен.
Но не вернется он домой —
Он на изгнание осужден.

Как мне его вернуть?
О, как его вернуть?
Я все бы горы отдала,
Чтоб горца вновь домой вернуть!

Соседи мирно спят в домах,
А я брожу в тиши ночной.
Сажусь и плачу я впотьмах
О том, что нет его со мной.

Ах, знаю, знаю я, кого
Повесить надо на сосне,
Чтоб горца — друга моего —
Вернуть горам, лесам и мне!

О ЧЕСТВОВАНИИ ПАМЯТИ
ПОЭТА ТОМСОНА

Ты спишь в безвременной могиле,
Но, кажется, глядишь с усмешкой на устах
На тех, что голодом вчера тебя морили,
А нынче лаврами твой увенчали прах.

НАДПИСЬ
НА АЛТАРЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

Кто независим, прям и горд,
В борьбе решителен и тверд,
Кому равно претит судьба
Рабовладельца и раба,
Кому строжайший приговор —
Своей же совести укор,
Тому, чья сила — правота,
Открой, алтарь, свои врата!

НАДПИСЬ АЛМАЗОМ
НА ОКОННОМ СТЕКЛЕ В ТАВЕРНЕ

Не хвастайся, дряхлый рассудок людской.
Безумству — любовь и почет.
Сулишь ты, рассудок, уют и покой.
Безумство восторг нам дает!

О ПЕСНЕ ДРОЗДА, КОТОРУЮ ПОЭТ УСЛЫШАЛ
В ДЕНЬ СВОЕГО РОЖДЕНИЯ — НА РАССВЕТЕ
25 ЯНВАРЯ

Пой, милый дрозд, в глухой морозной мгле.
Пой, добрый друг, среди нагих ветвей.
Смотри: зима от песенки твоей
Разгладила морщины на челе.

Так в одинокой бедности, впотьмах
Найдешь беспечной радости приют,
Она легко встречает бег минут, —
Несут они надежду или страх.

Благодарю тебя, создатель дня,
Седых полей позолотивший гладь.
Ты, золота лишив, даришь меня
Всем, что оно не в силах дать и взять.

Приди ж, дитя забот и нищеты.
Что бог пошлет, со мной поделишь ты!

О птица ночи! Жалобу свою
 Ты изливаешь в полночь скорбным стоном —
 Не оттого ль, что в северном краю
 Родится холод — смерть росткам зеленым?

Не оттого ль, что, облетев, листва
 Тебя лишит укромого навеса?
 Иль зимних бурь страшишься ты, сова,
 Ночной тоски безжизненного леса?

Твой стон летит в неслышащую тьму.
 Всегда одна, зловеща и угрюма,
 Ты не вверяешь в мире никому
 Своих тревог, своей бессонной думы.

Пой, плакальщица ночи! Для меня
 Твой грустный голос — тайная утеха.
 В полночной тьме без звука и огня
 Твои стенанья продолжает эхо.

Неужто лик земли не так красив,
 Когда природа плачет в час ненастья?
 Бедней ли сердце, горе пережив,
 И от участия меньше ль наше счастье?

Нет, одинокий стон из тишины
Мне по сердцу, хоть он рожден тоскою.
Он непохож на голоса весны,
На летний щебет счастья и покоя.

Пусть днем не слышно песен из гнезда
И самый день заметно стал короче,
Умолкла трель вечерняя дрозда, —
Ты в сумраке не спишь, певичка ночи.

С высокой башни где-нибудь в глуши,
Где ты ютишься в тайном закоулке,
Где лес и стены древние в тиши
На каждый звук рождают отклик гулкий, —

Твой хриплый голос для меня звучит,
Как трели соловья чете влюбленной.
Так ловит тот, кто всеми позабыт;
Унылый отзвук песни отдаленной...

ЖАЛОБА РЕКИ БРУАР

*владельцу земель,
по которым она протекает*

I

О ты, кто не был никогда
Глухим к мольбам и стонам!
К тебе смиренная вода
Является с поклоном.

Во мне остался только ил.
Небесный зной жестокий
Ручьи до дна пересушил,
Остановил потоки.

II

Живая, быстрая форель
В стремительном полете
Обречена попасть на мель,
Барахтаться в болоте.

Увы, ничем я не могу
Помочь своей форели.
Она лежит на берегу
И дышит еле-еле...

III

Я пролила немало слез
И пенилась от злости,
Когда какой-то бес принес
Поэта Бернса в гости.

Он написал мне пару строк,
А сочинил бы оду,
Когда увидел бы у ног
Бушующую воду!

IV

Давно ли я у грозных скал
Бурлила и ревела,
И водопад мой бушевал,
Вскипая пеной белой.

В те дни была я глубока,
Гордилась буйной силой,
И молодежь издалека
На берег приходила...

V

Прошу, припав к твоим ногам,
Во имя прежней славы
Ты насади по берегам
Кусты, деревья, травы.

Когда придешь под сень ветвей,
Плеснет, играя, рыба
И благодарный соловей
Тебе споет: спасибо!

VI

И жаворонок в вышине
Зальется чистой трелью,
И отзовется в тишине
Щегол своей свирелью.

И зазвенят у теплых гнезд,
Проснувшись спозаранку,
Малиновка и черный дрозд,
Скворец и коноплянка.

VII

Они от бурь покров найдут
В разросшихся дубравах.
И заяц-трус найдет приют
В моих кустах и травах.

Пускай прохожего ольха
Манит своей прохладой,
А дуб укроет пастуха
От ливня и от града.

VIII

Ко мне влюбленные весной
Придут на берег тайно
И встретятся в тиши лесной
Как будто бы случайно.

Оберегая их покой,
Росы роняя слезы,
Благоуханною рукой
Прикроют их березы.

IX

И вновь придет ко мне поэт
В часы, когда сквозь ветки
На побережье лунный свет
Свои начертит клетки.

По склонам тихо он сойдет,
По шахматным полянам
Послушать гулкий рокот вод,
Окутанных туманом.

X

Пусть елки тянутся ко мне
Своей зубчатой тенью
И видят в ясной глубине
Верхушек отраженье.

Пускай берез листва звенит
На каменных утесах
И мой боярышник хранит
Певцов звонкоголосых.

XI

Пусть, как цветы, в краю родном
Растут ребята наши,
Пусть будут крепче с каждым днем
И с каждым часом краше!

Греми до самых дальних дней,
Веселый клич заздравный:
За сыновей и дочерей
Моей отчизны славной!

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ МОЕЙ ОВЦЫ,
КОТОРУЮ ЗВАЛИ МЭЙЛИ

Пишу стихами или прозой,
А по щекам струятся слезы.
Судьбы исполнились угрозы:
    Погас мой свет.
Живут на свете овцы, козы,
    А Мэйли нет!

Моя душа тоской объята.
Я потерял не клад богатый, —
Иная, тяжкая, утрата
    Гнетет певца.
Меня любила, точно брата,
    Моя овца.

Таких друзей на свете мало.
Меня узнав за два квартала,
Она по городу бежала
    За мной вослед
И так сердечно отвечала
    На мой привет.

Она была овцою кроткой,
Ходила чинною походкой

И не валила загородки
В чужом саду.
Грехов за век ее короткий
Я не найду.

Ее кудрявого барашка
Кормлю я хлебом или кашкой.
Увы, он так похож, бедняжка,
На мать свою,
Что я над ним вздыхаю тяжело
И слезы лью.

Она была не нашей местной
Овцой породы неизвестной:
Приплыл ее прапрадед честный,
Большой баран —
С ее прабабушкой совместно —
Из дальних стран.

Никто не снял с нее овчины.
Увы, единственной причиной
Ее безвременной кончины
Была петля...
И так же душишь люд невинный
Ты, конопля!

Пускай же все поэты Дуна
Настроят дудки или струны.
Пусть соберутся ночью лунной
Ко мне певцы
Прославить память Мэйли юной,
Моей овцы!

Ты знаешь, что Мэгги намедни нашла?
Ты знаешь, что Мэгги намедни нашла?
Нашла жениха, дурака и бездельника,
И сердце разбила у бедного мельника.

Был мельник хорош и в труде и в беседе,
Отважен, как лорд, и прекрасен, как леди.
Другой был невзрачный, пустой паренек,
Но туго набит был его кошелек.

Один обещал ей любовь и заботу,
Другой посулил посерьезнее что-то:
Гнедую лошадку с коротким хвостом,
С уздечкой в колечках, седлом и хлыстом.

Ох, деньги имеют изрядную силу,
Коль можно девицу купить за кобылу.
Приданое — важная в жизни статья,
Но дай мне любовь, дорогая моя!

СВАДЬБА МЭГГИ

Ты знаешь, что Мэгги к венцу получила?
Ты знаешь, что Мэгги к венцу получила?
С крысиным хвостом ей досталась кобыла.
Вот именно это она получила.

Ты знаешь, во что влюблена она пылко?
Ты знаешь, во что влюблена она пылко?
У Мэгги всегда под подушкой бутылка.
В бутылку давно влюблена она пылко.

А знаешь, как с Мэгги жених обвенчался?
А знаешь, как с Мэгги жених обвенчался?
Псаломщик был пьян, а священник качался
В то время, как суженый с Мэгги венчался.

А знаешь, чем кончилось ночью веселье?
А знаешь, чем кончилось ночью веселье?
Жених у постели свалился с похмелья.
Вот так и окончилось это веселье!

У женщин нрав порой лукав
 И прихотлив и прочее, —
 Но тот, в ком есть отвага, честь, —
 Их верный раб и прочее.

И прочее,
 И прочее,
 И все такое прочее.
 Одну из тех, кто лучше всех,
 Себе в подруги прочу я.

На свете чту я красоту,
 Красавиц всех и прочее.
 От них отпасть,
 Презреть их власть —
 Позор, и грех, и прочее.

Но есть одна. Она умна,
 Мила, добра и прочее.
 И чья вина, что мне она
 Куда милей, чем прочие!

ПЕСНЯ О ЗЛОЙ ЖЕНЕ

Со мной жена не ладит,
Колотит, а не гладит.
Тому, кто волю даст жене,
Она на шею сядет.

Я в ней мечтал найти покой,
Но, видно, дал я маху.
Ах, никогда порыв благой
Не вел к такому краху.

Одну надежду я таю, —
Что ждет меня награда,
И, верно, буду я в раю,
Отбыв все муки ада!

ПЕСЕНКА О СТАРОМ МУЖЕ

О, если б ты улегся вдруг
В могилу, дряхлый мой супруг,
Твою утешил бы вдову
Веселый горец — милый друг.

На сковородке шесть яиц.
На сковородке шесть яиц.
Тебе — одно, мне — два яйца,
А три — для горца-молодца!

В горшке баранья голова.
В горшке баранья голова.
Похлебка — мне, мясо — ему,
А рожки — мужу моему!

ПЕСНЯ

На мотив народной песни «Покупайте веники»

Покупайте веники!
Вот хороший веник,
Веничек из вереска.
Не жалеите денег!

Мне нужна жена --
Лучше или хуже,
Лишь была бы женщиной,
Женщиной без мужа.

Толстая, худая —
Это все равно.
Пусть уродом будет —
По ночам темно.

Если молодая,
Буду счастлив с нею.
Если же старуха,
Раньше овдовею.

Пусть детей рождает, —
Было бы охоты.
А бездетной будет —
Меньше мне заботы.

Если любит рюмочку,
Пусть не будет пьяница.
А не любит рюмочки —
Больше мне останется!

О ЛИСИЦЕ, КОТОРАЯ СОРВАЛАСЬ С ЦЕПИ
И УБЕЖАЛА ОТ МИСТЕРА ГЛЕНРИДДЕЛЯ¹

Свободу я избрал сюжетом —
Не ту, любезную поэтам,
Язычницу с жезлом и в шлеме,
Воспетую в любой поэме
Былых времен. Совсем иной
Встает свобода предо мной.

Она мне чудится игривой
Кобылкой юной, легкогривой.
Как яблоко, она крепка,
Как полевая мышь, гладка,
Но неумелому жокею
На всем скаку ломает шею
И, закусивши удила,
Умчится дальше, как стрела.

Теперь, перевернув страницу,
Я расскажу вам про лисицу,
Как меж родных шотландских скал

---

¹ Это стихотворение автором не закончено (*прим. переводчика*).

Охотник рыжую поймал
И как дала дикарка ходу
Из душной клетки на свободу.

Гленриддель, убежденный виг!
Зачем ты, изменив на миг
Своим идеям, дочь природы
Лишил священных прав свободы?
Как мог ты, преданный добру,
Бедняжку ввергнуть в конуру
И цепью приковать, как суку,
К березе, дубу или буку?

Гленриддель, честный гражданин,
Своей отчизны верный сын,
Прогуливаясь у темницы
Сидящей на цепи лисицы,
Ты день за днем, за часом час
С друзьями обсуждал не раз
Великие идеи века —
Права на вольность человека
И право женщины любой
Свободной быть, а не рабой.

Лисица чутко вам внимала.
Она наслушалась немало
О хартиях народных прав,
О судьбах королей, держав,
О якобитах, вигах, тори
И о кровавом их раздоре.

Она услышала рассказ
О том, что делалось до нас, —
Как ангелы в былые годы,
Восстав, отпали от свободы,
За что, покинув райский сад,

Попали на галеры в ад;
Как в голову пришло Немроду
Цепями оковать свободу,
Как был закован пол мужской
Семирамидиной рукой
(Бог покарай Семирамиду
За эту тяжкую обиду!)
И как с тех пор, покинув трон,
Мужья бояться стали жен.

Лиса наслушалась историй,
Как древний Ксеркс — персидский тори —
Не знал важнее ремесла,
Чем резать глотки без числа,
Пока не объяснила Спарта
Ему, что значит «Magna Charta¹»;
Как диктовал указы Рим
Покорным данникам своим
И как полировал их нравы
Его огонь и меч кровавый.

Однако надо знать и честь, —
Примеров всех не перечесть, —
Но из плеяды знаменитой
Мы упомянем Билли Питта,
Что, как мясник, связав страну,
Распотрошил ее казну.

Все это слушала лисица
Как ревностная ученица.
Красноречивей сотни книг
Ей объяснил хозяин-виг,
Какой царит у нас порядок,
В чем наша слава, в чем упадок.

---

¹ Великая хартия вольностей.

Она услышала, что зло
Добра немало принесло,
Поскольку жулики и плуты —
Творцы свободы пресловутой...

НИЧЕГО

С приветом я к вам посылаю
Пегаса — конька своего.
Спросите, чего я желаю,
И я вам скажу: ничего!

Простите беспечность поэта.
Дышу я — и только всего.
А шум деловитого света
Не стóит подчас ничего.

Процентщика мучат тревоги.
Червонец — его божество.
Но вот подведет он итоги —
И что же найдет? Ничего.

Отвешивать должен поклоны
Вельможа-старик для того,
Чтоб графской добиться короны.
А что ему в ней? Ничего.

Унылая ряса пресвитера —
Заветная цель одного.
Другой добивается митры.
А суть-то одна: ничего.

Влюбленному жизни дороже
На свете одно существо.
Но вот он женился — и что же
Нашел под тряпьем? Ничего.

Рифмует поэт беспокойный
И верит: его мастерство
Торжественных лавров достойно.
А что его ждет? Ничего.

Храбрится буян, угрожая,
Но тщетно его хвастовство,
И, кроме свирепого лая,
Не жди от него ничего.

Не верит поэту девица —
Ни просьбам, ни вздохам его
Но скоро она убедится,
Что страшного нет ничего.

Ей по сердцу ласки поэта.
Упрямец достиг своего,
А что обещал ей за это?
По правде сказать, ничего...

Священник громит за неверие
С амвона ее и его.
Но попусту бьет артиллерия —
Поправить нельзя ничего.

Прощайте! У бурного моря
Я жду корабля своего.
И, если погибну я вскоре,
Что вам эта смерть? Ничего.

Останусь готовым к услугам
До смертного дня моего —
Коль есть у вас что-нибудь, — другом
И другом, коль нет ничего!

ЖАЛОБА ДЕВУШКИ

Я часто плачу по ночам
И каялась не раз,
Что верила твоим речам
И взорам лживых глаз.

Где нежный цвет девичьих щек?
А был он так румян!
Где прежний тесный поясок,
Что стягивал мой стан?

Я часто слышу злобный смех
Соседок за собой,
Хоть не один сокрытый грех
Найдется у любой.

Отец мой, вспомнив обо мне,
Ниц опускает взор.
И плачет матушка во сне,
Припомнив мой позор.

Услышав тяжкий шаг отца,
Я прятаться бегу,
И материнского лица
Я видеть не могу.

Был сладок цвет любви моей,
Но горький плод принес.
И каждый взгляд твоих очей
Мне стоил многих слез.

Пускай же радостного дня
Не будет у того,
Кто бросил в рубище меня
И сына своего!

Моей душе покоя нет.
Весь день я жду кого-то.
Без сна встречаю я рассвет —
И всё из-за кого-то.

Со мною нет кого-то.
Ах, где найти кого-то!
Могу весь мир я обойти,
Чтобы найти кого-то.

О вы, хранящие любовь
Неведомые силы,
Пусть невредим вернется вновь
Ко мне мой кто-то милый.

Но нет со мной кого-то.
Мне грустно отчего-то.
Клянусь, я все бы отдала
На свете для кого-то!

ПОДРУГА МОРЯКА

Чуть забудусь сном желанным,
Слышу гул морских валов.
Пусть мой друг за океаном
Будет счастлив и здоров.

Страх с надеждою счастливой
В сердце борются моем.
Над подушкой сиротливой
Тени шепчутся о нем.

Кто не знал тоски разлуки,
В чьей груди тревоги нет,
Счастья полный, чуждый муки,
Любит солнечный рассвет.

Мне же ночь и сон милее.
Пусть не тает тьмы покров,
Чтобы слышала во сне я
Дальний плеск морских валов.

Когда в цветы румяный май
Оденет наш зеленый край,
Я выйду словно невзначай
К тебе, мой милый Дэви.

Жди за Ведьминым холмом,
Милый Дэви, стройный Дэви.
Вместе день мы проведем,
Мой милый, стройный Дэви.

Как серебро, звенит ручей,
Поет влюбленный соловей,
И веет свежестью полей,
Когда брожу я с Дэви.

Едва зардевший небосклон
Встревожит зайца чуткий сон
И по росе поскачет он, —
Иду навстречу Дэви.

Когда ж погаснет свет дневной
И сумрак ляжет пеленой,
Свои объятья мне раскрой,
Мой милый, стройный Дэви!

Кого пошлем мы заседать
В парламенте и прочее?
Кто лучше может оправдать
Такие полномочия?

При всем при том,
При всем при том
Кого из нашей знати
Иль из народа мы пошлем
Решать дела в палате?

Вот мистер Гэрон. Кто из вас
Не знает патриота?
Кто не ходил к нему хоть раз
В открытые ворота?

При всем при том,
При всем при том
Он нам давно известен
И независимым умом,
И тем, что сердцем честен..

Достойных парней и подруг
В краю у нас немало,
Но Селькерк любит светский круг,
Как Селькерку пристало.

При всем при том,
При всем при том
К чему нам род старинный?
Не лорда в Лондон мы пошлем,
Пошлем мы гражданина!

Не в званьях суть и не в чинах,
Видали мы воочию,
Что лорд в блестящих орденах
Бывает глуп и прочее.

При всем при том,
При всем при том
Одно мы знаем твердо:
Что шут останется шутом
И в гордом званье лорда!

К нам едет хлыщ из-за холмов
С мощной родни богатой.
Безусый мальчик нас готов
Купить, как скот рогатый.

При всем при том,
При всем при том
Не пришлым шалопаем, —
Мы тем свой голос отдаем,
Кого давно мы знаем!

За дело Стюартов, друзья,
За Гэрона и прочее.
Ему мы все — одна семья —
Доверим полномочия.

При всем при том,
При всем при том
Не кошельку, не знати —
Мы голос чести отдаем
На благо всей палате!

Плениться мог бы я тобой:
Так хороша ты и мила, —
Когда бы ты к мольбе любой
Столь благосклонна не была.

Конечно, щедрость не порок,
Но ты любовь и доброту
Даришь, как глупый ветерок,
Что всех целует на лету.

Цветок шиповника в росе
Теряет блеск и аромат,
Когда его ласкают все,
Когда руками он измят.

Еще дано тебе цвести,
Но наконец настанет срок, —
Ты будешь брошена в пути,
Как этот сорванный цветок.

ДВА ПАРНЯ

Сэнди и Джоки были соседи.
Сэнди был первым в застольной беседе.
Джоки — наследник отцовских поместий —
Мог бы понравиться каждой невесте.

Джоки женился на Мэджи богатой.
Сэнди — на Мэри без всякой приплаты.
Джоки женился на денежках тестя,
Сэнди нашел свое счастье в невесте.

Пора отчалить кораблю.
На много дней, на много лет
Умчится та, кого люблю,
И за кормою ляжет след.

Бродить я буду меж камней,
На островок глядеть в тоске.
Здесь я в слезах простился с ней,
Там скрылся парус вдалеке.

Как часто с этой крутизны,
Где птицы жадные кричат,
Под гул крутящейся волны
Смотреть я буду на закат.

Благословен тот райский сад,
Где Нэнси бродит в тишине
И там, где все ласкает взгляд,
Немножко помнит обо мне.

Ты не там спала, где надо,
Ты спала не там.
Ты постель свою делила
С кем-то пополам.

С лица румянец твой сошел
От той бессонной ночи.
И платья твоего подол
Как будто стал короче.

Попала девушка впросак.
Тебе придется тяжко.
От всякой снеди натошак
Мутит тебя, бедняжка.

Под небом ночь ты провела.
Ты пела и плясала.
Но, видно, жадная пчела
Девчонку искусала.

Ты не там спала, девчонка,
Ты спала не там,
Ты постель свою делила
С кем-то пополам.

Что сделала со мною мать,
Родная мать,
Родная мать.
Что сделала со мною мать
Во вторник поздней ночью:

Мне приказала лечь в кровать,
Такую мягкую кровать,
И, уложив меня в кровать,
Сказала: «Доброй ночи!»

Священник тоже подшутил —
Так подшутил!
Так подшутил!
Так надо мной он подшутил,
Сыграв со мною шутку:

Чужого парня напустил.
Большого парня напустил,
Верзилу-парня напустил
На бедную малютку!

Мои подруги и родня,
Моя родня,

Моя родня —
Одну оставили меня
Во вторник поздней ночью

Одну оставили меня.
Не заступились за меня,
А я боялась, как огня,
Мужчины поздней ночью!

Сердца быстрое биенье
Мерит каждое мгновенье.
Так на кузнице в селенье
Молоточками куют,
В наковальню гулко бьют.

Обманул меня мой милый —
Тот, кого я так любила,
А забыть его нет силы.
Полно, сердце, не стучи.
Полно, сердце, замолчи.

Властитель ног да и сердец!
Какой в Шотландии певец
Не принесет хвалы венец
Твоей чудесной скрипке?

Был бы скучен этот свет,
Очень скучен, однозвучен,
Был бы скучен этот свет,
Скучен без улыбки!

Всю землю обойди вокруг,
Пойди на север и на юг —
Повсюду скука, милый друг,
Где нет тебя и скрипки.

Пусть нас зовет церковный причт
Или профессор — старый хрыч,
Чудесней таинства постичь,
Чем те, что знает скрипка.

САДОВНИК С ЛОПАТОЙ

Когда оденет Май в цветы
Деревья, травы и кусты,
Найдешь в саду до темноты
Садовника с лопатой.

Поят ключи зеленый луг,
Щеглы, дрозды зовут подруг.
И дышит негой все вокруг
Садовника с лопатой.

Едва багряный небосклон
Встревожит зайца чуткий сон,
Из-за кустов мы слышим звон
Садовничьей лопаты.

А только солнца шар зайдет
И полог ночи упадет,
Подруга ласковая ждет
Садовника с лопатой.

ДОМИК У РУЧЬЯ

— Куда торопишься чуть свет —
Направо или прямо? —
Она надменно мне в ответ:
— Куда послала мама!

— Где ты живешь, душа моя? —
Я продолжал упрямо.
Она сказала: — У ручья
Живу с моею мамой.

Нашел я домик у ручья,
И ночь прошла мгновенно.
А утром девушка моя
Была не столь надменна.

Пусть петуха заест хорек!
Заря еще не встала, —
Старуха-мать с постели — скок!
И нас вдвоем застала.

Она меня прогнала прочь,
Послав мне град проклятий,
И ну стегать бедняжку-дочь,
Стащив ее с кровати.

В твой тихий домик у ручья
Пришел бы я, малютка,
Когда бы матушка твоя
Спала не слишком чутко!

Побывал я между скал,
Славный парень, статный парень,
Вилли с братией видал,
Славный горский парень.

Там земли родной враги,
Славный парень, статный парень,
Заплатили нам долги,
Славный горский парень.

Так конец себе нашли,
Славный парень, статный парень,
Те, что села наши жгли,
Славный горский парень.

Греет черт сковороду,
Славный парень, статный парень,
Жарить герцога в аду,
Славный горский парень.

Заскулил кровавый пес,
Славный парень, статный парень,
Насмешил чертей до слез,
Славный горский парень.

ПЕСЕНКА

Жила-была тетка под старою ивой,
Она джентльменам готовила пиво.
Скрóгам.

У теткиной дочки была лихорадка.
Священник дрожал от того же припадка.
Ра́ффам.

И тетка, желая прогнать лихорадку,
Обоих в одну уложила кроватку.
Скрóгам.

Больного согрел лихорадочный пыл,
И жар у больной понемногу остыл.
Ра́ффам.

Что предо мной король Луи
И Джордж с морскою силой!
Я предъявил права свои
На сердце Джинни милой.

Я избран ею в короли.
Пускай же вьются флаги.
Все государи всей земли
Передо мной — бродяги!

Спустился быстро мрак ночной,
Протяжен ветра дикий вой,
И тучи, полные дождя,
Несутся, цепью проходя.
Ушли охотники с болот,
И птицы над равниной вод
Слетелись вновь. А я с тоской
Брожу над Эйром, над рекой.

Оплакивает осень рожь,
Что полегла на нивах сплошь.
Полет зловещий ранних бурь
Смутил осеннюю лазурь.
Как страшно слышать грозный шквал
И ждать, что скоро пенный вал
Умчит, всем чувствам вопреки,
Меня от Эйр — родной реки.

Не разъяренная волна
В открытом море мне страшна,
Не смерть в бездонной глубине
Или в неведомой стране.
Но должен я, отчизна-мать,

Те узы кровные порвать,
Что в сердце раненом моем
Так прочно стянуты узлом

И скоро будет далека
Моя родимая страна,
Места, где дорог каждый след
Любви и дружбы прежних лет.
Привет друзьям, врагам моим.
Любовь — одним и мир — другим.
Прощайте, травы, тростники
Родимой Эйр — моей реки!

У мамы тихо я росла
И так боюсь людей чужих.
О сэр, с ума бы я сошла
Наедине с одним из них!

Припев:

Я так мала, я так мала.
Еще так рано стать мне дамой,
И я бы, право, не могла
На долгий срок расстаться с мамой.

Мне накануне рождества
Ночной наряд купила мать,
Но я боюсь, что кружева
Мне после свадьбы могут смять.

Побыть на свадьбе я не прочь,
Чтобы потом уйти домой.
Но так долга зимою ночь,
Что не пойду за вас зимой.

Вам лучше лета подождать,
Когда все яблони в цвету.
Вы приходите к нам опять,
Когда чуть-чуть я подрасту!

ПОЕДЕШЬ ЛИ В ИНДИЮ, МЭРИ?

Поедешь ли в Индию, Мэри,
Покинув родимый кров?
Поедешь ли в Индию, Мэри,
По гребням гремящих валов?

Там зреют лимоны, маслины,
Растет ананас золотой.
Но что в этой Индии дальней
Сравнится с твоей красотой?

Клянусь я, что буду верен
Тебе до последнего дня.
И если забуду я Мэри,
Пусть небо забудет меня.

И ты поклянись, моя Мэри,
Лилейную руку мне дай
Пред тем, как от родины милой
Умчусь я в неведомый край.

Любви нерушимая клятва
Связала невидимо нас.
И если судьба нас разделит,
Будь проклят тот день и час!

< ШЕРАМУРСКИЙ БОЙ >

— Пришел ли ты пасти овец
Со мной в тиши лесной, брат,
Иль с поля битвы ты беглец
И видел страшный бой, брат?
— Бой Шерамурский был жесток.
Кровавый пенился поток,
Нам страх сердца сжимал в комок.
Такой был гром. И напролом
В лохмотье клетчатом своем
Шотландцы мчались в бой с врагом,
Что шел из трех краев; брат.

Мундиров ярко-красных рать
Не стала наших ждать, брат.
Пустилась жать да напирать,
Стволы в лесу ломать, брат.
Аргайль великий вел солдат.
Оружья сталь слепила взгляд,
Круша людей за рядом ряд.
Враги неслись, как саранча,
Рубили, резали с плеча
И тех топтали сгоряча,
Кто медлил умирать, брат.

Но парни в юбочках, плащах
И клетчатых штанах, брат,
Сомкнули строй, посеяв страх
Во вражеских рядах, брат.
Хоть силы вражьи велики,
Но задрожали их полки,
Когда слышалось: «В штыки!»,
Когда клинок был обнажен
И с гневом вырван из ножен,
И дерзкий враг был поражен,
Бежал он впопыхах, брат.

Он показал такую рысь,
Какой не знал сам черт, брат.
Мы по пятам за ним гнались —
Сперва загнали в Форт, брат.
В Данблейне, поджимая хвост,
Он перебрался через мост
И полетел стремглав, как дрозд.
Но запер Стерлинг-городок
Свои ворота на замок.
Любой солдат от страха взмок,
Хоть был недавно горд, брат...

Как мне не плакать день и ночь!
Мой друг-моряк умчался прочь,
Как мне унять тоску свою?
Он на морях с врагом в бою.
Лягу спать и встану вновь —
Он со мной — моя любовь.
Ночью сны, а мысли днем
Все о нем, всегда о нем.

На волнах и далеко,
В безбрежном море — далеко.
Ночью сны, а мысли днем —
О нем, кто в море далеко.

Когда томлюсь я в летний зной
И овцы сонные со мной, —
Подо мной дрожит земля.
То друг стреляет с корабля!
Пусть в бою его шадят
Лихая пуля и снаряд.
Судьба, ты мне конец пошли,
А не тому, кто там — вдали.

Не тому, кто далеко,
В безбрежном море далеко.
Ночью сны, а мысли днем —
Лишь о нем, кто далеко.

А когда ложится тьма,
И за окном ревет зима,
И не глядит луна с небес,
И буря гнет угрюмый лес,
Я слышу волн морских прибой
И обращаюсь к ним с мольбой:
О, пощадите корабли
От милой родины вдали!

На морях и далеко,
В безбрежном море далеко.
Ночью сны, а мысли днем —
О нем, кто в море далеко.

Оставьте романы!
В них только обманы.
Немало сердец уловил,
Поймав на крючок,
Что спрятан меж строк,
Безжалостный Роберт Моссгилл.

Сперва «Грандисон»
Развеял ваш сон,
А после «Том Джонс» возмутил
Покой ваш девичий,
Чтоб стать вам добычей
Таких молодцов, как Моссгилл.

Мою ладонь твоей накрой,
Твоей накрой,
Твоей накрой
И поклянись своей рукой,
Что будешь ты моя.

Я знал любви слепую власть,
И многих мук мне стоит страсть,
Но я любовь готов проклясть,
Пока ты не моя.

Мгновенный взор девичьих глаз
Мне сердце покорял не раз,
Но полюбил я лишь сейчас,
Красавица моя.

Мою ладонь твоей накрой,
Твоей накрой,
Твоей накрой
И поклянись своей рукой,
Что будешь ты моя!

Наследница-дочь на охоте была,
Пеленок с собой она в лес не взяла,
А ночью ребенка в лесу родила
И в свой завернула передник.

Передник был соткан из чистого льна,
Из белого тонкого сшит полотна.
Так вот малыша завернула она
В свой тонкий голландский передник.

В ту ночь пировал в своем замке старик.
Из бочки струилось вино, как родник.
И вдруг среди ночи послышался крик.
Того, кто завернут в передник.

— Какой там ребенок кричит во всю мочь
На той половине, где спит моя дочь?
Его унесите немедленно прочь.
А ну, разверните передник.

— Да, это ребенок, а я его мать.
И, значит, он будет вас дедушкой звать.
Отец его будет ваш преданный зять.
А он — ваш достойный наследник.

— Да кто он такой — из дворян, из крестьян,
Тот дерзкий, что обнял твой девичий стан?
Кому только нужен крикун-мальчуган,
    Завернутый в этот передник?

— Мой будущий муж в Эдинбурге живет.
Он первым из первых в столице слывет,
Он золотом шитый наряд мне пришлет,
    Узнав, кто завернут в передник.

— Послушай-ка, дочка, твои терема
И все мои башни, дворы и дома,
Амбары с мукой и с зерном закрома
Получит мой внук и наследник,
    Завернутый в этот передник!

Когда деревья обнажил
Своим дыханьем север,
Осенним вечером бродил
Я над рекою Эйр.
Мне где-то встретился старик,
В пути он изнемог
И головой седой поник
Под бременем тревог.

Меня спросил он: — Пешеход,
Куда ты держишь путь?
Богатства власть тебя ведет
Иль страсть волнует грудь?
А может, ты узнать успел
Невзгоды бытия
И горько на людской удел
Ты сетуешь, как я?

Под солнцем, где простерлась гладь
Лугов, степей, болот,
Везде на чопорную знать
Работает народ.
Светил мне дважды сорок лет

Усталый луч зимы,
Пока я понял, что на свет
Для мук родились мы.

Покамест молод человек,
Он не щадит часов.
За мигом миг короткий век
Растратить он готов.
Безумью предается он.
Страстям преграды нет,
Пока поймет он, что рожден
Для горестей на свет.

Умчится молодость, как дым,
И те года пройдут,
Когда полезен ты другим
И веришь сам в свой труд.
Нужда и старость — хуже нет
На всей земле четы.
Тогда увидишь, что на свет
Для мук родился ты.

Мой Джоки — славный молодец.
Никто в окрестности у нас
Так не зовет рожком овец,
Так не ведет девчонку в пляс.

Сказал он: нет синее глаз,
Нет стана тоныше моего.
О, как блажен короткий час,
Когда кругом нет никого.

Он целый день пасет овец
В грозу и ливень, в снег и зной.
Я жду: когда же наконец
Погонит стадо он домой!

И только вечером я с ним.
Меня в объятия заключив,
Клянется Джоки быть моим
И быть со мной, покуда жив.

Когда молодежь на траве среди луга
Плясала под вечер Иванова дня,
Я вновь увидала неверного друга,
И рана открылась в душе у меня.

О скорби своей не скажу я ни слова.
Меня мой любимый успел разлюбить,
Но, может быть, в мире я встречу другого.
Не мог же он сердце навеки разбить.

До света мне слезы уснуть не давали.
Лились, будто ливень из туч грозовых.
Ах, горькие слезы, без вас бы едва ли,
Любовь пережив, я осталась в живых.

Пускай серебро его блеском пленило,
Неверного друга не стану винить.
Но, если мне сердце его изменило,
Мое не могло бы ему изменить.

КРАСАВИЦЫ ДЕРЕВНИ МОХЛЫН

В деревне Мохлын есть на славу невесты,
Красавиц таких нелегко отыскать.
Их платья, походка, манера и жесты
Парижа и Лондона носят печать.

Мисс Миллар стройнее и тоньше, чем фея.
Мисс Маркланд мила, но умнее мисс Смит.
Мисс Бетти — румяна, мисс Мортон — с приданым,
Но всех их, конечно, Джин Армор затмит.

Всеми забыта, нема,
Лишена тепла и движенья
Та, что была мотыльком
И летела на свет и тепло.

Только скудость ума
Отказать ей могла в уваженье,
Только отсутствие сердца
В любви отказать ей могло.

Порвал поэт и драматург
С язычницами узы.
Их в грош не ставит Эдинбург, —
Там есть живые музы.

Гомер прославил девять муз,
Но к черту суеверье!
Гораздо лучше девять мисс,
Прекрасных, как мисс Феррьер.

Вчера я был окутан мглой
И шел в тоске, в печали.
Закрыв туман густой, сырой
Передо мною дали.

Мой дух в унынии погряз,
Барахтался в бессилье.
Но на углу я встретил вас
И снова поднял крылья.

Я вам стихи на память шлю,
Навеянные вами.
И небеса за вас молю
И прозой и стихами!

Веселый май одел кусты.
Раскрылись свежие цветы.
В лучах зари проснулась ты,
Прелестнейшая Хлоя.

Набросив плащ, надев чулки,
Ты вышла к берегу реки,
О как шаги твои легки,
Прекраснейшая Хлоя.

Ты, как утро, хороша,
Чудо-Хлоя, прелесть-Хлоя.
Шла ты лугом, не спеша,
Чудеснейшая Хлоя.

Люблю один я городок,
А в нем люблю я дом один, —
За то люблю я этот дом,
Что в нем живет малютка Джин.

Никто, никто узнать не мог,
Куда спешу я вновь и вновь.
Про это знает только бог
И только ты, моя любовь.

Ты ждешь во мраке под листвою
В полночный час, в урочный час.
Завидев некий облик твой,
Люблю я больше во сто раз.

ЭПИГРАММЫ

К ПОРТРЕТУ ДУХОВНОГО ЛИЦА

Нет, у него не лживый взгляд,
Его глаза не лгут.
Они правдиво говорят,
Что их владелец — плут.

ЭПИТАФИЯ
БЕЗДУШНОМУ ДЕЛЬЦУ

Здесь Джон покоится в тиши.
Конечно, только тело...
Но говорят, оно души
И прежде не имело!

ПОКЛОННИКУ ЗНАТИ

У него герцогиня знакомая,
Пообедал он с графом на днях...
Но осталось собой насекомое,
Побывав в королевских кудрях!

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ
ШКОЛЬНОГО ПЕДАНТА

В кромешный ад сегодня взят
Тот, кто учил детей...
Он может там из чертенят
Воспитывать чертей.

ПРИ ПОСЕЩЕНИИ
БОГАТОЙ УСАДЬБЫ

Наш лорд показывает всем
Прекрасные владенья...

Так евнух знает свой гарем,
Не зная наслажденья.

I

В его роду известных много,
Но сам он не в почете.
Так древнеримская дорога
Теряется в болоте...

II

Тебе дворец не ко двору.
Попробуй отыскать
Глухую, грязную нору —
Душе твоей под стать!

КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ

Пусть книжный червь — жилец резного шкафа —
В поэзии узоры прогрызет,
Но, уважая вкус владельца-графа,
Пусть пощадит тисненный переплет!

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

Прошел Джон Бушби честный путь.
Он жил с моралью в дружбе...
Попробуй, дьявол, обмануть
Такого Джона Бушби!

О ЧЕРЕПЕ ТУПИЦЫ

Господь во всем, конечно, прав.
Но кажется непостижимым,
Зачем он создал прочный шкаф
С таким убогим содержимым!

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ
СЕЛЬСКОГО ВОЛОКИТЫ

Рыдайте, добрые мужья,
На этой скорбной тризне.
Сосед покойный, — слышал я, —
Вам помогал при жизни.

Пусть школьников шумливый рой
Могилы не тревожит...
Тот, кто лежит в земле сырой,
Был им отцом, быть может!

В году семьсот сорок девятом
(Точнее я не помню даты)
    Лепить свинью задумал черт.
Но вдруг в последнее мгновенье
Он изменил свое решенье,
    И вас он вылепил, милорд!

ПОТОМКУ СТЮАРТОВ

Нет, вы — не Стюарт, ваша честь.
Бесстрашны Стюартов сердца.
Глупцы в семействе этом есть,
Но не бывало подлеца!

НА БЛАГОДАРСТВЕННОМ МОЛЕБНЕ
ПО СЛУЧАЮ ПОБЕДЫ

О лицемерье, служишь ты молебны
Над прахом всех загубленных тобой.
Но разве нужен небу гимн хвалебный
И благодарность за разбой?

ОТВЕТ «ВЕРНОПОДДАННЫМ УРОЖЕНЦАМ
ШОТЛАНДИИ»

**Вы, верные трону, безропотный скот,
Пируйте, орите всю ночь напролет.**

Позор ваш — надежный от зависти щит.
Но что от презрения вас защитит?

ПРИ ПОСЕЩЕНИИ РАЗРУШЕННОГО ДВОРЦА
ШОТЛАНДСКИХ КОРОЛЕЙ

Когда-то Стюарты владели этим тронном
И вся Шотландия жила по их законам.
Теперь без кровли дом, где прежде был престол,
А их венец с державой перешел
К чужой династии, к семье из-за границы,
Где друг за другом следуют тупицы.
Чем больше знаешь их, тиранов наших дней,
Тем презираешь их сильней.

ПЕРЕВОДЧИКУ
МАРЦИАЛА

О ты, кого поэзия изгнала,
Кто в нашей прозе места не нашел, —
Ты слышишь крик поэта Марциала:
«Разбой! Грабеж! Меня он перевел...»

ОТВЕТ НА УГРОЗУ
ЗЛОНАМЕРЕННОГО КРИТИКА

Немало льву вражда ударов нанесла,
Но сохрани нас бог от ярости осла!

Эльф, живущий на свободе,
Образ дикой красоты,
Не тебе хвала — природе.
Лишь себя играешь ты!

Позабудь живые чувства
И природу приневожь,
Лги, фальшивь, терзай искусство —
Вот тогда сыграешь роль!

К ПОРТРЕТУ
ИЗВЕСТНОЙ МИСС БЕРНС

Полно вам шипеть, как змеи!
Всех затмит она собой.
Был один грешок за нею...
Меньше ль было у любой?

ЯРЛЫЧОК НА КАРЕТУ ЗНАТНОЙ ДАМЫ

Как твоя госпожа, ты трещишь, дребезжа,
Обгоняя возки, таратайки,
Но слетишь под откос, если оси колес
Ненадежны, как сердце хозяйки!

О ЗОЛОТОМ КОЛЬЦЕ

— Зачем надевают кольцо золотое
На палец, когда обручаются двое? —
Меня любопытная леди спросила.

Не став пред вопросом в тупик,
Ответил я так собеседнице милой:
— Владеет любовь электрической силой,
А золото — проводник!

КРАСАВИЦЕ,
ПРОПОВЕДУЮЩЕЙ СВОБОДУ И РАВЕНСТВО

Ты восклицаешь: «Равенство! Свобода!»
Но, милая, слова твои — обман.
Ты ввергла в рабство множество народа
И властвуешь бездушно, как тиран. .

НАДПИСЬ
НА МОГИЛЕ ЭСКВАЙРА, КОТОРЫЙ БЫЛ
ПОД БАШМАКОМ У ЖЕНЫ

Со дней Адама все напасти
Проистекают от жены.
Та, у кого ты был во власти,
Была во власти сатаны.

ЭПИТАФИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ЛАТЫНИ

Тебе мы кланяемся низко,
В последний раз сказав: «аминь!»
Грешил ты редко по-английски.
Пусть бог простит твою латынь!

МИСС ДЖИННИ СКОТТ

О, будь у скóттов каждый клан
Таким, как Джинни Скотт, —
Мы покорили б англичан,
А не наоборот.

ЛОРД-АДВОКАТ

Слова он сыпал, обуян
Ораторским экстазом,
И красноречия туман
Ему окутал разум.

Он стал затылок свой скрести,
Нуждаясь в смысле здравом,
И где не мог его найти,
Заткнул прорехи правом...

ПРОПОВЕДНИКУ
ЛЕМИНГТОНСКОЙ ЦЕРКВИ

Нет злее ветра этих дней,
Нет церкви — этой холодней.
Не церковь, а какой-то лёдник,
А в ней холодный проповедник.

Пусть он согреется в аду,
Пока я вновь сюда приду!

ТРАКТИРЩИЦЕ ИЗ РОСЛИНА

Достойна всякого почета
Владений этих госпожа.
В ее таверне есть работа
Для кружки, ложки и ножа.

Пускай она, судьбой хранима,
Еще полвека проживет.
И — верьте! — не промчусь я мимо
Ее распахнутых ворот!

О ПЛОХИХ ДОРОГАХ

Я ехал к вам то вплавь, то вброд.
Меня хранили боги.
Не любит местный ваш народ
Чинить свои дороги.

Строку из Библии прочти,
О город многогрешный:
Коль ты не выпрямишь пути,
Пойдешь ты в ад кромешный!

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ ЧЕСТОЛЮБЦА

Покойник был дурак и так любил чины,
Что требует в аду короны сатаны.

— Нет, — молвил сатана. — Ты зол, и даже
слишком,
Но надо обладать каким-нибудь умишком!

ЭПИТАФИЯ
ТВЕРДОЛОБОМУ ТРУСУ

Клади земли тончайший слой
На это сердце робкое,
Но башню целую построй
Над черепной коробкою!

ХУДОЖНИКУ

Прими мой дружеский совет:
Писать тебе не надо
Небесных ангелов портрет.
Рисуй владыку ада!

Тебе *известней адский лорд,
Чем ангел белокурый.
Куда живет выйдет черт,
Написанный с натуры!

ДЕВУШКЕ
МАЛЕНЬКОГО РОСТА

На то и меньше мой алмаз
Гранитной темной глыбы,
Чтобы дороже во сто раз
Его ценить могли бы!

ЭПИТАФИЯ
ВЛАДЕЛЬЦУ УСАДЬБЫ

Джемс Грив Богхéd
Был мой сосед,
И, если в рай пошел он,
Хочу я в ад,
Коль райский сад
Таких соседей полон.

НЕТЛЕННЫЙ КАПИТАН

Пред тем, как предать капитана могиле,
Друзья бальзамировать сердце решили.
— Нет, — молвил прохожий, — он так ядовит,
Что даже червяк от него убежит!

В ЗАЩИТУ АКЦИЗНОГО

Вам, остроумцам, праздным и капризным,
Довольно издеваться над акцизным.

Чем лучше ваш премьер или священник,
С живых и мертвых требующий денег
И на приход глядящий с укоризной?
Кто он такой? Духовный ваш акцизный!

КАПИТАНУ РИДДЕЛЮ
ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ ГАЗЕТЫ

Газетные строчки
Прочел я до точки,
Но в них, к сожалению, мало
Известий столичных,
Вестей заграничных. ,
И крупных разбоев не стало.

Газетная братья
Имеет понятие,
Что значат известка и глина,
Но в том, что сложнее, —
Ручаться я смею, —
Она, как младенец, невинна.

И это перо
Не слишком остро.
Боюсь, что оно не ответит
На все бесконечное ваше добро...
Ах, если б у солнца мне вырвать перо —
Такое, что греет и светит!

ТРИ ВЫВЕСКИ

I

Напоминает он лицом
Ту вывеску, что над крыльцом
Гремит, блестит,
Лаская слух и взор,
И говорит:
«Здесь постоялый-двор».

II

Как эта голова чиста, пуста,
Припудрена, искусно завита!
Такую видишь в лавке брадобрея.
И каждый, кто проходит перед нею,
Одни и те же говорит слова:
— Вот голова!

III

А эта голова
Могучего напоминает льва,
Но только льва довольно мирного —
Трактирного.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ АЛМАЗОМ
НА ОКНЕ ГОСТИНИЦЫ

Мы к вам пришли
Не тешить взгляд
Заводом вашим местным,
А для того,
Чтоб смрадный ад
Был местом,
Нам известным.

Мы к вам стучались
Целый час.
Привратник не ответил.
И дай нам бог,
Чтоб так же нас
Привратник ада встретил!

ЭПИТАФИЯ
СТАРУХЕ ГРИЗЗЕЛЬ ГРИМ

Лежит карга под камнем сим.
И не могу понять я,
Как этой ведьме Гриззель Грим
Раскрыла смерть объятья!

ЭПИТАФИЯ
ВИЛЬЯМУ ГРЭХЕМУ, ЭСКВАЙРУ

Склонясь у гробового входа,
— О смерть! — воскликнула природа, —
Когда удастся мне опять
Такого олуха создать!..

НАДПИСЬ НА ОФИЦИАЛЬНОЙ БУМАГЕ,
КОТОРАЯ ПРЕДПИСЫВАЛА ПОЭТУ
«СЛУЖИТЬ, А НЕ ДУМАТЬ»

К политике будь слеп и глух,
Коль ходишь ты в заплатах.
Запомни: зрение и слух —
Удел одних богатых!

ПО ПОВОДУ БОЛЕЗНИ КАПИТАНА
ФРЕНСИСА ГРОУЗА

Проведав, что Френсис в объятиях смерти,
Топ-топ — прибежали к одру его черти.
Но, слыша, как стонут под грузом больного
Тяжелые ножки кровати дубовой,
Они отказались принять его душу:
Легко ли поднять эту грузную тушу!

ЗЕРКАЛО

Ты обозвал меня совой,
Но сам себя обидел:
Во мне ты только образ свой,
Как в зеркале, увидел.

ЗНАКОМОМУ,
КОТОРЫЙ ОТВЕРНУЛСЯ ПРИ ВСТРЕЧЕ С ПОЭТОМ

Чего ты краснеешь, встречаясь со мной?
Я знаю: ты глуп и рогат.
Но в этих достоинствах кто-то иной,
А вовсе не ты виноват!

ДЖОНСОНУ

Мошенники, ханжи и сумасброды,
Свободу невзлюбив, шипят со всех сторон.
Но если гений стал врагом свободы, —
Самоубийца он.

ЛОРДУ, КОТОРЫЙ НЕ ПУСТИЛ
В СВОИ ПАЛАТЫ ПОЭТА И ЕГО ДРУЗЕЙ,
ИНТЕРЕСОВАВШИХСЯ АРХИТЕКТУРОЙ

Пред нами дверь в свои палаты
Закрыли вы, милорд.
Но мы — не малые ребята,
А ваш дворец — не торт!

ЭПИТАФИЯ САМОУБИЙЦЕ

Себя, как плевел, вырвал тот,
Кого посеял дьявол.
Самоубийством от хлопот
Он господу избавил.

ЭПИТАФИЯ КРИКЛИВОМУ СПОРЩИКУ

Ушел ли ты в блаженный рай
Иль в ад, где воют черти, —
Впервые этот вздорный лай
Услышат в царстве смерти.

ЭПИТАФИЯ ЦЕРКОВНОМУ СТАРОСТЕ,
САПОЖНИКУ ГУДУ

Пусть по приказу сатаны
Покойника назначат
В аду хранителем казны, —
Он ловко деньги прячет.

МИСТЕРУ ВИЛЬЯМУ МОЛЬ ОФ ПАНМУР,
КОТОРОГО ПОЭТ УВИДЕЛ В НОВОМ ЭЛЕГАНТНОМ
ФАЭТОНЕ НА СКАЧКАХ (БЕГАХ)

Я согласиться должен, что бесспорно
Твой новый фаэтон имел успех.
Так некий вор мечтал, чтоб выше всех
Ему соорудили столб позорный.

* * *

Не даром, видимо, господь
Когда-то посулил:
Не только души, но и плоть
Восстанет из могил.

А то б вовеки не воскрес
Души лишенный Кардонесс! -

ДВЕ СОБАКИ

Где в память Койла-короля
Зовется исстари земля,
В безоблачный июньский день,
Когда собакам лаять лень,
Сошлись однажды в час досуга
Два добрых пса, два верных друга.

Один был Цезарь. Этот пес
В усадьбе лорда службу нес.
И шерсть и уши выдавали,
Что был шотландцем он едва ли,
А привезен издалека,
Из мест, где ловится треска.
Он отличался ростом, лаем
От всех собак, что мы встречаем.

Ошейник именной, с замком,
Прохожим говорил о том,
Что Цезарь был весьма почтенным
И просвещенным джентльменом.

Он родовит был, словно лорд,
Но — к черту спесь! — он не был горд
И целоваться лез со всякой

Лохматой грязною собакой,
Каких немало у шатров
Цыган — бродячих мастеров.

У кузниц, мельниц и лавчонок,
Встречая шустрых собачонок,
Вступал он с ними в разговор,
Мочился с ними на забор.

А пес другой был сельский колли,
Веселый дома, шумный в поле,
Товарищ пахаря и друг
И самый преданный из слуг.

Его хозяин — резвый малый,
Чудак, рифмач, затейник шалый —
Решил — кто знает, почему! —
Присвоить колли своему
Прозванье «Люат». Имя это
Носил какой-то пес, воспетый
В одной из песен иль баллад
Так много лет тому назад.

Был этот Люат всем по нраву.
В лихом прыжке через канаву
Не уступал любому псу.
Полоской белой на носу
Самой природою отмечен,
Он был доверчив и беспечен.

Черна спина его была,
А грудь, как первый снег, бела.
И пышный хвост, блестящий, черный,
Кольцом закручен был задорно.

Как братья, жили эти псы.
Они в свободные часы
Мышей, кротов ловили в поле,
Резвились, бегали на воле
И, завершив свой долгий путь,
Присаживались отдохнуть
В тени ветвей над косогором,
Чтобы развлечься разговором.

А разговор они вели
О людях — о царях земли.

ЦЕЗАРЬ

Мой честный Люат! Верно, тяжкий
Удел достался вам, бедняжки.
Я знаю только высший круг,
Которому жильцы лачуг
Должны платить за землю птицей,
Углём, и шерстью, и пшеницей.

Наш лорд живет не по часам,
Встает, когда захочет сам.
Открыв глаза, звонит лакею,
И тот бежит, сгибая шею.
Потом карету лорд зовет —
И конь с каретой у ворот.
Уходит лорд, монеты пряча
В кошель, длинней, чем хвост собачий,
И смотрит с каждой из монет
Георга Третьего портрет.

До ночи повар наш хлопочет,
Печет и жарит, варит, мочит,
Сперва попотчует господ,
Потом и слугам раздает
Супы, жаркие и варенья, —

Что ни обед, то разоренье!
Не только первого слугу
Здесь кормят соусом, рагу,
Но и последний доезжачий,
Тщедушный шут, живет богаче,
Чем тот, кто в поле водит плуг,
А что едят жильцы лачуг, —
При всем моем воображенье
Я не имею представленья!

Л Ю А Т

Ах, Цезарь, я у тех живу,
Кто дни проводит в грязном рву,
Копается в земле и в глине
На мостовой и на плотине,
Кто от зари до первых звезд
Дробит булыжник, строит мост,
Чтоб прокормить себя, хозяйку
Да малышей лохматых стайку.

Пока работник жив-здоров,
Есть у ребят и хлеб и кров,
Но если в нищенский приют
Подчас болезни забредут,
Придет пора неурожаев
Иль не найдет бедняк хозяев, —
Нужда, недуги, холода
Семью рассеют навсегда...

А все ж, пока не грянет буря,
Они живут, бровей не хмуря.
И поглядишь, — в конце концов
Немало статных молодцов
И прехорошеньких подружек
Выходит из таких лачужек.

Однако, Люат, вы живете
 В обиде, в нищете, в заботе.
 А ваши беды замечать
 Не хочет чопорная знать.
 Все эти лорды на холопов —
 На землеробов, землекопов —
 Глядят с презреньем, свысока,
 Как мы с тобой на барсука!

Не раз, не два я видел дóма,
 Как управитель в день приема
 Встречает тех, кто в точный срок
 За землю уплатить не мог.
 Грозит отнять у них пожитки,
 А их самих раздеть до нитки.
 Ногами топает, кричит,
 А бедный терпит и молчит.
 Он с малых лет привык бояться
 Мошенника и тунеядца...

Не знает счастья нищий люд.
 Его удел — нужда и труд!

ЛЮАТ

Нет, несмотря на все напасти,
 И бедняку знакомо счастье.
 Знавал он голод и мороз —
 И не боится их угроз.
 Он не пугается соседства
 Нужды, знакомой с малолетства.
 Богатый, бедный, старый, юный —
 Все ждут подарка от фортуны.
 А кто работал выше сил,
 Тем без подарка отдых мил.

Нет лучшей радости на свете,
Чем свой очаг, жена и дети,
Малюток резвых болтовня
В свободный вечер у огня.
А кружка пенсовая с пивом
Любого сделает счастливым.
Забыв нужду на пять минут,
Беседу бедняки ведут
О судьбах церкви и державы
И судят лондонские нравы.

А сколько радостей простых
В осенний праздник всех святых!
Так много в городах и селах
Затей невинных и веселых.
Людей в любой из деревень
Роднит веселье в этот день.
Любовь мигает, ум играет,
А смех заботы разгоняет.

Как ни нуждается народ,
А Новый год есть Новый год.
Пылает уголь. Эль мятежный
Клубится пеной белоснежной.
Отцы усядутся кружком
И чинно трубку с табаком
Передают один другому.
А юность носится по дому.
Я от нее не отстаю
И лаю, — так сказать, пою.

Но, впрочем, прав и ты отчасти.
Нередко плут, добившись власти,
Рвет, как побеги сорняков
Из почвы, семьи бедняков,

Стремясь прибавить грош к доходу,
А более всего — в угоду
Особе знатной, чтобы с ней
Себя связать еще тесней.
А знатный лорд идет в парламент
И, проявляя темперамент,
Клянется — искренне вполне —
Служить народу и стране.

ЦЕЗАРЬ

Служить стране?.. Ах ты, дворняжка!
Ты мало знаешь свет, бедняжка.
В палате досточтимый сэръ
Повторит, что велит премьер.
Ответит «да» иль скажет «нет»,
Как пожелает кабинет.

Зато он будет вечерами
Блистать и в опере и в драме,
На скачках, в клубе, в маскараде,
А то возьмет и скуки ради
На быстрокрылом корабле
Махнет в Гаагу и в Кале,
Чтобы развлечься за границей,
Повеселиться, покружиться
Да изучить, увидев свет,
Хороший тон и этикет.

Растратит в Вене и Версале
Фунты, что деды наживали,
Заглянет по пути в Мадрид,
И на гитаре побренчит,
Да полюбуется картиной
Боев испанцев со скотиной.

Неаполь быстро оглядев,
Ловить он будет смуглых дев.

А после на немецких водах
В тиши устроится на отдых
Пред тем, как вновь пуститься в путь,
Чтоб свежий вид себе вернуть
Да смыть нескромный след, который
Оставлен смуглою синьорой...

Стране он служит?.. Что за вздор!
Несет он родине позор,
Разврат, раздор и униженье.
Вот какво его служенье!

Л Ю А Т

Я вижу, эти господа
Растратят скоро без следа
Свои поля, свои дубравы...
Порой и нас мутит лукавый.
— Эх, черт возьми! — внушает черт. —
Пожить бы так, как этот лорд!..

Но, Цезарь, если б наша знать
Была согласна променять
И двор и свет с его отравой
На мир и сельские забавы, —
Могли прожить бы кое-как
И лорд, и фермер, и батрак.

Не знаешь ты простого люда.
Он прям и честен, хоть с причудой.
Какого черта говорят,
Что он и зол и плутоват!
Ну, срубит в роще дерево,
Ну, скажет лишнее словцо
Иль два по поводу зазнобы
Одной сиятельной особы.
Ну, принесет к обеду дичь,

Коль удалось ее настичь,
Подстрелит зайца на охоте
Иль куропатку на болоте.
Но честным людям никогда
Не причиняет он вреда.

Теперь скажи: твой высший свет
Вполне ли счастлив или нет?

ЦЕЗАРЬ

Нет, братец, поживи в палатах —
Иное скажешь о богатых!
Не страшен холод им зимой,
И не томит их летний зной,
И непосильная работа
Не изнуряет их до пота,
И сырость шахт или канав
Не гложет каждый их сустав.

Но так уж человек устроен:
Он и в покое неспокоен.
Где нет печалей и забот,
Он сам беду себе найдет.
Крестьянский парень вспашет поле —
И отдохнет себе на воле.
Девчонка рада, если в срок
За прялкой выполнит урок.
Но люди избранного круга
Не терпят тихого досуга.

Томит их немочь, вялость, лень.
Бесцветным кажется им день,
А ночь — томительной и длинной,
Хоть для тревоги нет причины.

Не веселит их светский бал,
Ни маскарад, ни карнавал,

Ни скачка бешеным галопом
По людным улицам и тропам...
Всё напоказ, чтоб видел свет,
А для души отрады нет!

Кто проиграл в турнире партий,
Находит вкус в другом азарте —
В ночной разнузданной гульбе.
А днем им всем не по себе.

А наши леди!.. Сбившись в кучку,
Они, друг дружку взяв под ручку,
Ведут душевный разговор...
Принять их можно за сестер.
Но эти милые особы
Полны такой взаимной злобы,
Что, если б высказались вслух,
Затмить могли чертей и шлюх.

За чайной чашечкой в гостиной
Они глотают яд змеиный.
Потом, усевшись за столы,
Играют до рассветной мглы
В картишки — в чертовы картинки.
Плутуют нагло, как на рынке,
На карту ставят весь доход
Крестьянина за целый год,
Чтобы спустить в одно мгновенье...

Бывают, правда, исключения —
Без исключений правил нет, —
Но так устроен высший свет...

Давно уж солнце скрылось прочь,
Пришла за сумерками ночь...

Мычали на лугу коровы,
И жук гудел струной басовой,
И вышел месяц в небеса,
Когда простились оба пса.
Ушами длинными тряхнули,
Хвостами дружески махнули,
Пролаяв: — Славно, черт возьми,
Что бог не создал нас людьми!

И, потрепав один другого,
Решили повстречаться снова.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 5. Честная бедность. — Стихотворение написано на мотив народной песни, в которой также имелся припев: «При всем при том, при всем при том...» Бернс писал по поводу своего стихотворения: «Один знаток утверждал, что сюжетом песни могут быть только любовь и вино. Но в данном стихотворении ни о том, ни о другом не говорится». «Честная бедность» — одно из самых ярких общественно-обличительных произведений Бернса. Стихи эти стали широко распространенной в шотландском народе песней.

Стр. 7. Д ж о н Я ч м е н н о е З е р н о. — В основу этого стихотворения положена старинная народная песня.

Стр. 16. Р о б и н. — Бернс под Робинот подразумевает самого себя (Робин — уменьшительное от Роберт). В ночь на 25 января 1759 года, когда родился Бернс, к ним зашла цыганка, которая гадала новорожденному по руке.

Стр. 18. В г о р а х м о е с е р д ц е. — Предки поэта жили в северной горной Шотландии. Там, в «сердце Шотландии», до сих пор сохранился кельтский язык (гэлик). В XVIII веке «мятежные кланы» Севера охотно примыкали к восстаниям, направленным против английского правительства.

Стр. 21. Б р ю с — ш о т л а н д ц а м. — Свои свободолюбивые чувства поэт выражает в речи, которую якобы произносит шотландский король Роберт Брюс перед битвой при Беннокберне (1314). В этой битве шотландцы одержали

победу над войсками английского короля Эдуарда II. В стихотворении упоминается боровшийся с англичанами шотландский национальный герой Уоллес.

Стр. 23. Д е р е в о с в о б о д ы. — По цензурным соображениям, это стихотворение, воспевающее французскую революцию, не увидело света при жизни Бернса. Оно пролежало в рукописи до 1838 года.

Стр. 26. М а к ф е р с о н п е р е д к а з н ь ю. — В основу этого стихотворения положена песня, будто бы сочиненная воином и пиратом Макферсоном за несколько дней до казни (1700). Рассказывают, что, когда Макферсон шел к виселице, он пел эту песню, приплясывая и аккомпанируя себе на скрилке (Макферсон был прославленным скрипачом). Легенда рисует Макферсона человеком огромного роста, мощной физической силы и отчаянной храбрости.

Стр. 32. Л ю б о в ь. — В основу этого стихотворения положена народная песня, будто бы сложенная воином, отправляющимся в поход.

Стр. 46. З а з д р а в н ы й т о с т. — У лорда Селькерка, куда однажды был приглашен Бернс, перед обедом поэту предложили прочитать молитву. Вместо молитвы Бернс экспромтом придумал и произнес эти стихи.

Стр. 61. О д а к з у б н о й б о л и. — К этому стихотворению имеется пометка Бернса: «Написано в то время, когда автора терзала зубная боль».

Стр. 69. М е л ь н и к. — Обработка народной песни. Существуют два разночтения конца первой строфы: 1) «Он наживет шиллинг, прежде чем истратит грош». 2) «Он истратит шиллинг, прежде чем наживет грош».

Стр. 70. Д е в у ш к и и з Т а р б о л т о н а. — Ферма Лохли, где жил Бернс, как и упоминаемое в первой строфе поместье Бэнналс, были расположены недалеко от городка Тарболтона.

Стр. 79. П о л е в о й м ы ш и... — Крестьяне, земляки Бернса, до сих пор показывают приезжим то поле, работая на котором Бернс создал это стихотворение.

Стр. 84. Г о р н о й м а р г а р и т к е... — Это стихотворе-

ние, по свидетельству брата поэта, Гильберта, было создано Бернсом, когда он шел за плугом.

Стр. 93. За тех, кто далёко. — Стихотворение посвящено тем, кто сочувствовал французской революции и пострадал за это: «Чарли — Чарльз Стюарт, потомок шотландских королей, живших в изгнании. Для Бернса он был символом национальной независимости Шотландии: недаром говорили, что многие из «якобитов» — приверженцев Стюартов — стали «якобинцами».

Стр. 106. Н а с е к о м о м у... — Это стихотворение, напечатанное в Эдинбурге в 1786 году, когда Бернс пользовался кратковременным признанием «высшего общества», вызвало возмущение эдинбургской знати, которая находила его «вульгарным».

Стр. 114. Надпись на книге стихов. — Посвящено Пегги Томсон — девушке, «перепутавшей всю тригонометрию», когда Бернс учился в землемерной школе. Ей же посвящено одно из ранних стихотворений поэта «Конец лета».

Стр. 124—128. Молитва святоши Вилли, Надгробное слово ему же. — Сам Бернс так комментировал эти стихи: «Святоша Вилли (Уильям Фишер), старый холостяк и один из старост мохлинского прихода, прославился по заслугам своей назидательной болтовней, обычно переходившей в пьяное словоблудие, и елейным распутством со слезливыми покаяниями. Святоша Вилли и пастор Оулд, по решению «пресвитеров из церкви местной», проиграли процесс, затеянный против нотариуса Гамильтона, отчасти благодаря таланту Гамильтонова адвоката Эйкена, но главным образом потому, что м-р Гамильтон был одним из самых безупречных и уважаемых граждан города. Моя муза подслушала молитву «святоши Вилли» после того, как он проиграл процесс».

Стр. 136. Т э м О'Ш е н т е р. — О фермере Дугласе Грэме О'Шентере, отчаянном пьянице, больше всего на свете боявшемся своей сварливой жены, крестьяне той местности, в которой жил Бернс, рассказывали много анекдотов. Однажды, пока он сидел в трактире, мальчишки выдрали хвост у его

кобылы. Дуглас заметил это лишь по возвращении домой. Чтобы смыть с себя позор и оправдаться в глазах жены, он сочинил рассказ о чертях и ведьмах. Этот эпизод подсказал Бернсу сюжет его поэмы, которую он сам особенно ценил и которая до сих пор пользуется большой популярностью среди шотландцев.

Стр. 146. Песня («Ты свисти — тебя не заставлю я ждать...»). — Существуют две обработки этой народной песни, сделанные Бернсом для разных изданий (оба варианта переведены С. Маршаком).

Стр. 158. Прощание. — Написано в тот год (1786), когда Бернс собирался уехать на Ямайку. Эпиграф из стихотворения английского поэта, шотландца по происхождению, Джеймса Томсона (1700—1748), автора «Времен года».

Стр. 162. Надпись на банковом билете: — Бернс написал это стихотворение на оборотной стороне банкнота, который сохранился.

Стр. 165. Веселые нищие. — Знаменитая кантата не была напечатана при жизни Бернса. Он потерял ее рукопись и помнил из всей кантаты только два стиха:

К черту тех, кого законы
От народа берегут...

Впервые кантата увидела свет в 1798 году в лубочном издании. Бернс вообще небрежно относился к своим рукописям; так, например, некоторые его стихи были написаны карандашом на оберточной бумаге. Многие черновики Бернса до нас не дошли, так как он часто писал их на грифельной доске.

Стр. 201. Смерть и доктор Горнбук. — Весной 1785 года на масонском собрании в маленьком городке Тарболтоне Бернс встретил местного школьного учителя Джона Уилсона. Между ними произошла небольшая стычка. Бернс много читал, относился с уважением к науке и ненавидел всяческое шарлатанство и невежество. Его возмутила хвастливая наглость малограмотного учителя, уверявшего, что он

своими доморощенными средствами — микетурами и пилюлями — лечит лучше всякого врача и может «нюхом» определить любую болезнь.

В тот же вечер (по воспоминаниям брата поэта) была написана поэма о докторе Горнбуке. Через два дня ее знал наизусть весь поселок. Весьма прозрачный псевдоним — порусски он звучал бы как «доктор Азбукин» — сразу указывал на героя сатиры, так как «горнбуками» назывались примитивные школьные буквари в одну страничку, покрытые для сохранности чехлом из тонкого рога.

Стр. 224. Песня раба-негра. — Это стихотворение отличается своеобразной мелодичностью, несомненно, навеянной печальными и протяжными песнями рабов-негров. Бернс мог слышать эти песни от побывавших в Америке шотландских матросов.

Интересно, что «Песня раба-негра» (1792) перекликается в некоторых деталях с более ранним (1786) стихотворением Бернса «Жалоба разоренного фермера».

Стр. 227. «Якобиты на словах...» — Стихотворение написано по поводу частых стычек Бернса с местными представителями «клуба якобитов». Так, по имени одного из шотландских королей Джеймса (Якова) Стюарта, назывались шотландские националисты, считавшие, что Шотландия сможет обрести независимость, если будет восстановлена династия Стюартов, потомки которых жили в изгнании. Бернсу, как и многим, якобиты сначала казались борцами за свободу, защитниками права Шотландии на самоопределение. Но впоследствии он увидел, что представители этого течения занимаются лишь политическими интригами и далеки от народа.

Стр. 232. Надпись на алтаре независимости. — Эти стихи недавно обнаружены и впервые напечатаны в новом английском издании произведений Бернса под редакцией его биографа Джеймса Барка.

Стр. 241. Элегия на смерть моей овцы... — Как-то раз одна из овец Бернса, которую звали Мэйли, за-

путалась в привязи и чуть не задохнулась. Хотя ее удалось спасти, Бернс в тот же день написал эту «элегию», а также другое стихотворение — «Смерть и последние слова бедной Мэйли».

Стр. 250. О лисице, которая сорвалась с цепи и убежала от мистера Гленридделя. — Эта неоконченная поэма написана в момент острой политической борьбы в парламенте, в которой косвенно принимали участие и соседи Бернса — либеральные землевладельцы во главе с капитаном Ридделем. Бернс с большой иронией относился к их «вольнлюбивым» разговорам, обычно не дававшим никаких ощутимых результатов.

О хартиях народных прав... — В 1215 году восставшие феодалы вынудили короля Джона подписать так называемую Великую хартию вольностей, ограничивавшую власть монарха. С тех пор в Англии документы о гражданских правах нередко именуют «хартиями».

Виги — сторонники одной из двух партий господствующих классов Англии в XVIII веке. Виги были связаны с новой финансовой аристократией и крупной буржуазией. Бернс высмеивает показной либерализм вигов, которые любили болтать об идеалах, правах на вольность, а сами готовы были посадить народ на цепь.

Тори — партия, выражавшая в XVIII веке интересы наиболее консервативной части господствующего класса — крупных землевладельцев.

И о кровавом их раздоре... — Имеются в виду бурные события XVII и первой половины XVIII века, когда происходила ожесточенная борьба между силами феодализма и буржуазии.

...ангелы... восстав, отпали от свободы... — Подразумевается библейское предание об ангелах, отпавших от бога и низвергнутых им в ад.

Немврод — охотник, упоминаемый в Библии. В «Потерянном рае» Мильтона говорится, что он «охотился не на зверей, а на людей».

Семирамида — легендарная царица Ассирии, которой приписывалось множество всяких побед. Одна из легенд винила ее в смерти мужа.

Ксеркс — персидский царь (V в. до н. э.), воевавший против свободолюбивых греков и разбитый ими в битве при Саламине.

Как диктовал указы Рим... — Римляне в первых веках нашей эры на завоеванных ими территориях насаждали свои порядки кровавыми и жестокими военными мерами.

Билли (Уильям). *Питт* (1708—1778) — английский политический деятель XVIII века, крупнейший представитель партии вигов, неоднократно возглавлял английское правительство.

Стр. 262. Предвыборная баллада. — Стихи эти написаны Робертом Бернсом к выборам, во время которых боролись за место в парламенте представители тори и вигов. (Прим. С. Маршака.)

За дело Стюартов... — Сторонниками изгнанной династии Стюартов — «якобитами» — были во времена Бернса многие ревнители шотландской независимости. О Бернсе говорили, что он из якобитов стал якобинцем. (Прим. С. Маршака.)

Стр. 267. «Пора отчалить кораблю...» — Прощальное стихотворение, адресованное Кларинде. Этим именем Бернс называл своего эдинбургского друга — поэтессу, светскую даму Эгнес Мак-Леос, оказавшую влияние на его литературную судьбу.

Стр. 276. «Побывал я между скал...» — Относится к многолетней войне шотландцев против англичан. *Вилли*, он же «кровавый пес», — ненавистный шотландцам герцог Уильям Камберлендский.

Стр. 277. Песенка. — Слова «Скрóгам» и «Рáффам» — традиционные шуточные припевы.

Стр. 278. «Что предо мной король Луи...» — *Луи* — один из французских королей Людовиков, *Джордж* — один из английских королей Георгов. *Джинни* (Джин Армор) — впоследствии жена Бернса.

Стр. 279. На берегу реки Эйр. — Написано в связи с намерением Бернса уехать в Вест-Индию.

Стр. 284. [Шерамурский бой] — Победоносная битва шотландцев с англичанами, которыми командовал герцог Аргайль.

Стр. 288. «Оставьте романы!..» — Грандисон — герой одноименного романа английского писателя Самюэля Ричардсона (1689—1761).

Том Джонс — герой одноименного романа английского писателя Генри Филдинга (1707—1754).

Роберт Мосгилл — прозвище Роберта Бернса по имени фермы Мосгилл, которую он арендовал после смерти отца.

Стр. 298. Мисс Феррьер. — Посвящено дочери Дж. Феррьерера, писателя и покровителя Бернса в Эдинбурге.

Стр. 303. Эпиграммы. — Среди эпиграмм Бернса есть так называемые эпитафии (надгробные надписи). Почти все они были посвящены различным лицам при их жизни, что придавало этим строкам особую остроту.

Стр. 314. Потомку Стюартов. — Эпиграмма на лорда Галлоуэй, кичившегося своим родством со Стюартами.

Стр. 316. Ответ верноподданным... — Бернс презирал шотландцев, называвших себя «верноподданными уроженцами Шотландии». Однажды за столом в таверне один из таких «верноподданных» протянул Бернсу листок бумаги. На этом листке был написан пасквиль на «бунтовщиков», в том числе и на Бернса. Поэт тут же написал ответ и передал его «верноподданным».

Стр. 320. Актрисе мисс Фонтенелль. — Обращено к Луизе Фонтенелль, актрисе дамфризского театра, для которой Бернс писал стихотворные прологи.

Стр. 338. В защиту акцизного. — Однажды в присутствии Бернса, служившего в то время мелким акцизным чиновником, какой-то помещик стал издеваться над ак-

цизными. Бернс подошел к окну и написал этот экспромт алмазом на стекле.

Стр. 339. Капитану Ридделю при возвращении газеты. — Бернс не имел возможности выписывать газеты. Его сосед, капитан Риддель, посылал ему пачки прочитанных газет и журналов.

М. Морозов

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНИ И БАЛЛАДЫ

Честная бедность	5
Джон Ячменное Зерно	7
Старая дружба	10
Был честный фермер мой отец	12
Маленькая баллада	15
Робин	16
В горах мое сердце	18
Лучший парень	19
Брюс — шотландцам	21
Шотландская слава	22
Дерево свободы	23
Макферсон перед казнью	26
Возвращение солдата	28
Джон Андерсон	31
Любовь	32
«Пробираясь до калитки...»	33
«Давно ли цвел зеленый дол...»	34
Конец лета	35
«Ты меня оставил, Джеми...»	37
«Где-то в пещере, в прибрежном краю...»	38
Расставание	39
За полем ржи	41
Поцелуй	43

Над рекой Афтон	44
Заздравный тост	46
«Наш Вилли пива наварил...»	47
Подруга угольщика	48
Я пью твоё здоровье!	50
Новогодний привет старого фермера его старой лошади	52
Финдлей	56
Шела О'Нил	58
Счастливый вдовец	59
Ода к зубной боли	61
Песня («Растёт камыш среди реки...»)	63
«...— Нет ни души живой вокруг...»	65
Ночной разговор	66
Элегия на смерть Пэг Никольсон, лошади священника	68
Мельник	69
Девушки из Тарболтона	70
Мое счастье	73
Пойду-ка я в солдаты	74
«Вина мне пинту раздобудь...»	75
Песня («Нынче здесь, завтра там...»)	76
Белая куропатка	77
Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом	79
«Скалистые горы, где спят облака...»	81
О подбитом зайце, проковылявшем мимо меня	83
Горной маргаритке, которую я примял своим плугом	84
Ответ на письмо	86
Мой парень	89
Счастливая дружба	91
За тех, кто далёко	93
Строчки о войне и любви	95
Послание к собрату-поэту	96
Сон	103

Насекомому, которое поэт увидел на шля- пе нарядной дамы во время церковной службы	106
Тэм Глен	108
Когда кончался сенокос	110
В ячменном поле	112
Надпись на книге стихов	114
Цветок Дэвона	115
Перед разлукой	116
Моему незаконнорожденному ребенку	117
Любовь и бедность	119
Что делать девчонке?	121
Сватовство Дункана Грэя	122
Молитва святоши Вилли	124
Надгробное слово ему же	128
«Со скрипкой черт пустился в пляс...»	129
Послание к другу	130
Тэм О'Шентер	136
Песня («Ты свисти — тебя не заставлю я ждать...»)	146
Ночлег в пути	148
«Что видят люди в городке...»	151
Березы Эберфэльди	153
«Пойдешь ли со мною, о Тибби Дунбар?...»	155
Босая девушка	156
«В полях, под снегом и дождем...»	157
Прощание	158
К портрету Роберта Фергюссона, шотландского поэта	160
О памятнике, воздвигнутом Бернсом на мо- гиле поэта Роберта Фергюссона	161
Надпись на банковом билете	162
«Всю землю тьмой заволокло...»	163
Веселые нищие	165
Беспутный, буйный Вилли	178
Старый Роб Моррис	180
Песня («Как слепы и суровы...»)	181

Песня девушки	182
Лорд Грегори	183
«Милорд спешит в поля, в леса...»	185
Где к морю катится река	187
«Стакан вина и честный друг...»	188
Западный ветер	189
Из поэмы «Святая ярмарка»	191
«Жена верна мне одному...»	196
Зима пронеслась	197
«Был я рад, когда гребень вытачивал...»	198
Нэнси	199
Смерть и доктор Горнбук	201
«Дружок мой пленен моим взором и станом...»	208
Невеста с приданым	209
Пастух	210
К Тибби	212
Свадьба в городке Мохлин	214
«Весной ко мне сватался парень один...»	216
Кузнецу	218
Ода шотландскому пудингу «Хэггис»	219
Овсянка	221
Послание Гамильтону	222
Песня раба-негра	224
«Зачем терпеть в расцвете сил...»	225
«Якобиты на словах...»	227
Отрывок	229
Горец	230
О чествовании памяти поэта Томсона	231
Надпись на алтаре независимости	232
Надпись алмазом на оконном стекле в таверне	233
О песне дрозда, которую поэт услышал в день своего рождения — на рассвете 25 января	234
Сова	235
Жалоба реки Бруар	237
Элегия на смерть моей овцы, которую звали Мэйли	241

Мэгги с мельницы	243
Свадьба Мэгги	244
Застольная	245
Песня о злой жене	246
Песенка о старом муже	247
Песня. <i>На мотив народной песни «Покупайте веники»</i>	248
О лисице, которая сорвалась с цепи и убежала от мистера Гленридделя	250
Ничего	254
Жалоба девушки	257
Про кого-то	259
Подруга моряка	260
Дэви	261
Предвыборная баллада	262
Плениться мог бы я тобой	265
Два парня	266
«Пора отчалить кораблю...»	267
«Ты не там спала, где надо...»	268
«Что сделала со мною мать...»	269
«Сердца быстрое биенье...»	271
«Властитель ног да и сердец!...»	272
Садовник с лопатой	273
Домик у ручья	274
«Побывал я между скал...»	276
Песенка	277
«Что предо мной король Луи...»	278
На берегу реки Эйр	279
«У мамы тихо я росла...»	281
Поедешь ли в Индию, Мэри?	283
Шерамурский бой»	284
«Как мне не плакать день и ночь!...»	286
«Оставьте романы!...»	288
«Мою ладонь твоей накрой...»	289
«Наследница-дочь на охоте была...»	290
«Когда деревья обнажил...»	292

«Мой Джоки — славный молодец...»	294
«Когда молодежь на траве среди луга...»	295
Красавицы деревни Мохлйн	296
«Всеми забыта, нема...»	297
Мисс Феррьер	298
«Веселый май одел кусты...»	299
«Люблю один я городок...»	300

ЭПИГРАММЫ

К портрету духовного лица	303
Эпитафия бездушному дельцу	304
Поклоннику знати	305
Надпись на могиле школьного педанта	306
При посещении богатой усадьбы	307
На лорда Галлоузэй	308
Книжный червь	309
Надгробная надпись	310
О черепе тупицы	311
Надпись на могиле сельского волокиты	312
О происхождении одной особы	313
Потомку Стюартов	314
На благодарственном молебне по случаю победы	315
Ответ «верноподанным уроженцам Шотландии»	316
При посещении разрушенного дворца шот- ландских королей	317
Переводчику Марциала	318
Ответ на угрозу злонамеренного критика	319
Актрисе мисс Фонтенелль	320
К портрету известной мисс Бернс	321
Ярлычок на карету знатной дамы	322
О золотом кольце	323
Красавице, проповедующей свободу и равенство	324

Надпись на могиле эсквайра, который был под башмаком у жены	325
Эпитафия преподавателю латыни	326
Мисс Джинни Скотт	327
Лорд-адвокат	328
Проповеднику Лемингтонской церкви	329
Трактирщице из Рослина	330
О плохих дорогах	331
Надпись на могиле честолюбца	332
Эпитафия твердолобому трусу	333
Художнику	334
Девушке маленького роста	335
Эпитафия владельцу усадьбы	336
Нетленный капитан	337
В защиту акцизного	338
Капитану Ридделю при возвращении газеты	339
Три вывески	340
Стихи, написанные алмазом на окне гостиницы	341
Эпитафия старухе Гриззель Грим	342
Эпитафия Вильяму Грэхему, эсквайру	343
Надпись на официальной бумаге, которая предписывала поэту «служить, а не думать»	344
По поводу болезни капитана Френсиса Гроуза	345
Зеркало	346
Знакомому, который отвернулся при встрече с поэтом	347
Джонсону	348
Лорду, который не пустил в свои палаты поэта и его друзей, интересовавшихся архитектурой	349
Эпитафия самоубийце	350
Эпитафия крикливому спорщику	351
Эпитафия церковному старосте, сапожнику Гуду	352

Мистеру Вильяму Моль оф Панмур, которого поэт увидел в новом элегантном фаэтоне на скачках (бегах)	353
«Недаром, видимо, господь...»	354
Две собаки	355
Примечания М. Морозова	366

Бернс Р.

Б51 Стихи в пер. С. Маршака. Прим.
М. Морозова. М., «Худож. лит.», 1976.
382 с.

Творчество Роберта Бернса (1759—1796) — вершина шотландской классической поэзии. Его стихи отличает высокая простота, искренность, глубина чувства. Переводы С. Маршака сделали стихи Р. Бернса достоянием русской поэзии.

Б 70404-314
028(01)-76 Б 3-16-26-76

И (Англ)

РОБЕРТ БЕРНС

●
СТИХИ

Редактор А. Парин

Художественный редактор

Л. Калитовская

Технический редактор

Е. Полонская

Корректоры

Т. Левина и А. Мощицкая

Сдано в набор 4/III 1976 г. Подписано к печати 12/VII 1976 г. Бум. Кама № 2. Формат 70×100¹/₃₂. 12,0 печ. л. 15,552 усл. печ. л. 10,148 уч.-изд. л. Тираж 500 000 экз. Зак. 1508. Цена 30 коп. Издательство «Художественная литература». Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Калинин, пр. Ленина, 5.

